

25-го августа 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

17

18

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го серпня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. Юрий Гончаров: * * Стихи.
2. Борис Кундрюцков: Смерть Терешки.
3. Санжа Балыков: Судьба.
4. Любовь Самсонова: Курган. (Стих.).
5. П. Атаманцев: * * Стихи.
6. Алексей Персидсков: * * Стихи.
7. М. Забигайло: Далекій коханій дружині.
8. Юрий Гончаров: Свиток.
9. Гнат Макуха: * * Стихи.
10. Казаче-иногородний вопрос.
11. Т. Стариков: Булавинское восстание.
12. Медарь Сем.: Переселения Чорноморців на Кубань.
13. Василий Вазагов: Три предпосылки к свободе горцев С.-Кавказа.
14. Шамба Балинов: Из истории Калмыцкого народа.
15. Вл. Куртин: Казачьи голиоты.
16. Кубань в большевицком зеркале.
17. Думы и мысли казахи.
18. Международная жизнь.
19. Казачья эмиграция.
20. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Австрия. — М. М. — Ваше сообщение получено. Благодарим. Искренно жеедем Вам успеха. Наш Вам привет!

Белград. — П. К. — Письма получены. Спасибо. Привет!

Белград. — В. К. — Ответ послан письмом. Привет!

Болгария. — И. В. — Послано.

Бельгия. — Брюссель. — Д. А. — С Вами будет установлена связь.

Болгария. — София. — В. — Все получено. Ждите подробные указания.

Болгария. — Г.-О. — П. — Послано. Установите связь с Г.

Болгария. — Видин. О. — П. К. — Рады, что Вы виделись, и что все обстоит так, как надо! Силы казачьи растут! „Просыпаются казачьи умы и смыкаются ряды Вольного Казачества“!

Болгария. — Вар. — А. — Получено. Пока все так. Подробности сообщим.

Варшава. — Х. Уд. — Листа одержали. Сердечно дякуемо. Використаемо в слідуєчому числі В. К. Гуртуймося!

Варшава. — М. Б. — Листа одержано. Труднощі на те існують, щоби з ними боротися. Вітаємо. Що можна буде, — допоможемо.

Германия. — Берлин. — У. И. — Будет так.

Далмация. — В. К. — Письма получены. Сообщим заблаговременно. До свидания!

Донской хор „Платов“. — Г. — Письмо получено и переправлено тотчас же по назначению. На Ваше имя в редакции есть письмо из Румынии. Сообщите Ваш адрес. Казачий поклон Вам. Имя старых „Разинцев“ живет!

Канада. — М-г L. — Очевидно неисправность почты. Было послано. Рады, что Вы несете с гордым чувством имя казака! Искренно жеедем Вам успеха и в дальнейшем. Вашими материалами воспользуемся: как и что — Вам будет сообщено. Наш Вам привет!

Ницца. — С. М. — Новый материал, о котсром Вы пишете, что послан, нами еще не получен. Просим сообщить на чье имя послан?

Сотрудничеству Вашему очень рады. Первым материалом уже воспользовались.

Осек. — Гн. М. — Листи одержано. Думаемо, що

все буде гаразд. Посилаємо ще один комплект. Вітаємо Вас і всіх козаків.

Осек. — К. П. — Ваши письма и постановления получены. То, что делаете Вы сейчас, надо было всем нам начать делать давно уже. Думаем, что Ваше начинание послужит добрым примером для всего Казачества. Слава Вам! В следующем номере „В. К.“ мы отведем, особое место Вашим решениям, они заслуживают того, чтобы были не только примером для других, но того, чтобы о них знали и никогда не забыли, как не забыта уже две тысячи лет „лепта вдовы“.

Пловдив. — И. И. Г. — Щиро дякуемо за добре слово. Коли прочитаеш отакого листа, як Ваш, то ніби нових сил наберешся. Вітаємо всіх козаків!

Польша. — W. — — М. — От Мус получено... Будет сделано. По ознакомлении будет сообщено, равно как и дополнено. Казачий поклон Вам!

Румыния. — Клуж. — Е. — Присланное Вами получено. Рады Вашим возрастающим успехам. Шлем Вам казачий привет.

С. Х. С. — А. Г. — Письмо получено. Очень рады Вашему сотрудничеству. Искренний привет! Подробно-сти письмом.

St Maurice. — С. — Исполнено. Очень Вам благодарны за Ваши указания. Что касается „правды“, то может быть Вы напишете более конкретно, т. к. мы действительно хотим писать только правду.

Франция. — Париж. — В. — Ваше письмо и материал получены. Установим связь. Наш Вам привет.

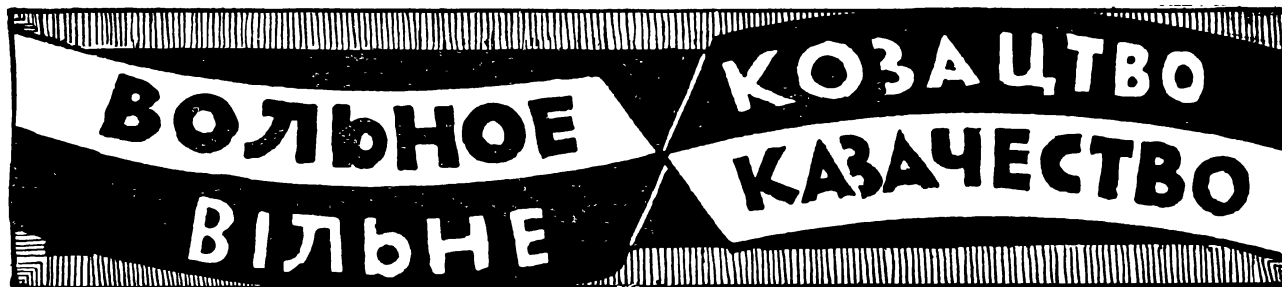
Франция. — Париж. — К. — Получено.

Югославия. — Белград. — Б. — Ваши письма получены. За сообщения большая Вам благодарность. Вам послано. Подробности будут сообщены. Казачий поклон Вам.

Югославия. — Бела-Церковь. — Я. П. — Получен. Ожидаемый Вами ответ — послан. Шлем Вам казачий привет.

Югославия. — Белград. — С. — Присланное Вами заслуживает внимания. Продолжайте работать и дальше. Необходимые сведения получите. Шлем Вам искренний привет.

Югославия. — Орловат. — Г. А. — Ваше письмо получено. Все будет сделано так, как Вы сообщили. Единомышленники „каменного“ Казачества шлют Вам привет.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 17/18

Прага, суббота 25-го августа 1928 г.

№ 17/18

Юрий Гончаров.

* * *

Дымит ароматами вечер
В разбитые пасти окон,
В далеких зеленых заречьях —
Прощальный, закатный огонь.
Собираются темные тучи.
По улицам дремная тишь.
И месяц всплывает беззвучно
Над серым безмолвием крыш...
Безлюдье. Синеются лужи.
Уснул... или вымер народ.
Хорунжий, убитый хорунжий —
У ветхих подгнивших ворот...
Прощальным багрянцем залиты
Молчат обгоревшие пни.
Убитый,
 Убитый,
 Убитый
Кусает сухие репы...
... Господнего лика сверканье
Увидев, упал навсегда,
Лицо раздробивши о камни,

Приникнув к Господним следам.
А конники — дальше промчались...
А пули — вперед понеслись,
Туманя песчаные дали,
Сверля синеглавую высь...
... Заря отпыляет на стеклах.
Вороны слетятся на снесь.
Будь проклят,
 Будь проклят,
 Будь проклят —
В свинец замуравивший смерть.
... Слетаются мраки быстрее —
Приемлют посмертный поклон.
На рваной рубахе белеет,
Измятый белеет погон...
Застывшей чернеется кровью
Летящей вороны крыло.
Безмолвье...

Безмолвье...

Безмолвье —

Над старой уснувшей землей.

28—VII—1928.

Борис Кундрюцков.

Смерть Терешки.

Холодно и противно, то-есть так холодно и противно, что душа, наверное, гусиной кожей покрылась у Терешки. И солнце его не грело, озноб какой то, мелкой неприятной дрожью пробегал по спине. Брр!..

Загорелое худое лицо поминутно покрывалось испариной и он отирал лоб обратной стороной ладони, останавливался и с какой то уже ненавистью поглядывал на все не приближающийся хутор... Ковылял к нему, а расстояние все увеличивалось да увеличивалось... Хотелось лечь на сухую колючую траву, но знал, что если ляжет, разметается под солнцем, разомлеет весь да и не встанет больше.

А хотелось еще Оленьку повидать... Больной шел, изнуренный долгим переходом от Дона. Оставил и ватагу, и снасть свою Михаилу передал.

Беглый Михаил, боярина Шерстова холоп... Приблудился к гольдье, так и пошел за нею; и рыбу ловит, и на татарву и на ногаев ходит; ходит, песни тягучие подтягивает, пятками солнечные лучи крадет — веселый и удалой... Будто и спины никогда не гнул, будто и батоги барских не пробовал.

Чубину отпустил и пить стал по казачьему. Ему то и доверился Терешка:

— Возьми, Михайло, волокушу и смыкалки... Все

одно... А мне с вами не гуливать, не прохладяться... Пойду я до городка на свой позор посмотрю еще раз...

Махнул рукой на костры, на галдящих полуголых людей у них, и зашагал в темную степь... По звезде... Шагнул, а самого так из стороны в сторону и качало.

— Только дойти, бы, только бы добрести, добраться... Все равно теперь было — босой, так босой, в лохмотьях, так в лохмотьях, папах в репьях, так в репьях, чуб повис, как хвост — куда там хвост, мочала одна, как есть мочала, пусть будет мочала — ничего все это... Помирать Терешки пришло, как есть помирать, чего-ж стыдиться в таком природном виде к домовитым казакам итти...

Омертвелые, как и мертвые сраму не имут... Да и вообще...

А кто еще лише — домовые или голыдьба — впрос... То-то вот и оно... Одни повоевали, да и за плужок или мотыку, ну, а другие... тому бы еще с кем нибудь подражаться, а как улажил душеньку, в кусты лечь над рекой в полнейшем презрении ко всем азиатам и прочей шпане по степи шатающейся да храпеть так, чтобы небу жарко было.

Хорошо!..

На концы голых пальцев, дрожа прозрачными хрустальными крылышками и сворачивая дугой коленчатый зеленовато-коричневый длинный хвост, садятся зинчики с большими глазами — пачкаными изумрудами, тоненькие, удивительно хрупкие булабочки, у которых голова перевешивает воздушное тело, скрести пятерней во сне волосатую грудь и во сне же видеть тоже, что и на яву — степь, солнце, курганы и синее дышащее зноем бездонное небо... А домовики... выдумывают они много. Одним словом — приспособляются. Как бы покрепче, как бы получше, как бы почище. Ну и прочее „как бы“. А по степной гали выходит так — все едино. Куда ни повернись, а ежели осетром судьба не вывернется — ничего толку не будет: крути не крути, верти не верти, хотя не хоти... Кто у степи бескорыстные близкие дети?..

Вот то-то и оно...

Так чего-ж стыдиться. Знал, что выйдет она из куреня чистая да умытая, в белой шитой рубаше с алой лентой, с улыбкой зазорной на пурпурных, разрумяненных солнцем губах, с затемненными смехом глазами, подбоchenится да и станет на солнце, сама как солнце — лучистая да здоровая, да гордая, да насмешливая — два слова „домовитая казачка“.

Покажет белые зубы.

— Пришел опять, голь-шмоль казацкая, перекатная. До сих пор шалаешься без пристанища, без места... Любовь свою тычешь, а что в ней в любви твоей, ни батяня, ни маманька не отдадут все равно да и я, Терешка, пожить хочу молодой. Уходи откуда пришел.

И Терешка уходил, только не откуда пришел, а в кабак... Что добыл, то прогуляет, а потом на кобылу сядет да мимо ее куреня — так, что пыль столбом, так, что куры, как бешенные во все стороны, так, что детвора к тынам жметя, заливаются... Доскачет до ворот, что в валу проделаны да в степь... Мотнет кобыла хвостом — только его Ольга и видела... Ищи ветра в поле... Прижал пятки к пузу, отвалился назад, на коб-

чик, и сам ветром стал, не догонишь, гони не гони, не схватишь, хватай не хватай...

Разве стрела ногойская или нож обоюдоострый, чуть кривой да тонкий, калмыцкий настигнет из-за куста, да и то не страшно.

Шесть ран колотых да две резаных были у Терешки, да один рубец на спине от ремня — московиты раз... Давно это было... Не любит их Терешка... Трясется весь, когда вспомнит. А Михаилу, знать, доверил... Ну, да это наш, в одну душу — степная выторюга... Славный Михаил, а холоп.

Не до него сейчас Терешке, добрести бы. Скрутила его совсем лихоманка...

Вытирал поминутно лоб обратной стороной ладони... Совсем убила треклятая...

И добрел он в городок под вечер. Прохладный, короткий вечер. Загнали скотину казаки и ворота запереть собрались, дозор только меняли, а Терешка в эту минуту и подошел.

Не в шелковых шароварах, не в рыжей огненной кудластой папаше — оборванный подошел, изможденный... И кобыла и ковер персидский с высокого седла, и шаровары — все до медной серги спустил, еле ногами двигает.

Оглядели его казаки, узнали. Терешка пожаловал.

— Зачем... Ай помирать?..

И пустили его в городок, заглянув в мутные воспаленные глаза.

Степная душа — на покаяние пришла.

Прошел до улицы, свернул по левадам до Ольгиного куреня. Лег в бахче маленькой за плетнем и стал смотреть в щелку... Выйдет, небось, во двор. Ветерочек откуда-то прибежал, принес аромат утомленных жарким днем степей и не освежил, а задушил горячее дыхание, обжег потрескавшиеся губы... Конец Терешкин принес степной ветер... Под плетень принес — последнее дело, босяцкое дело... Доля горькая, сары-аз-манская...

— Ольга... — прохрипел, увидев загорелые икры и подоткнутую синюю юбку... Оглянула быстро двор — пусто.

— Ольга, — повторил и сполз подбородком с плетня, уронил голову на землю. И чутко прислушиваясь пошла девушка на замерший, задохнувшийся мукой зов, заглянула за плетень, пробежала в завалившуюся в бок калиточку.

— Терентий...

Перевернула к себе на круглые колени, поджала ноги, да и покатились слезы, то-же крупные, непрошенные...

— Ты чего Терешка...

Открыл глаза, улыбнулся... Какой там улыбнулся, гримасу скроил такую грустную, что не приведи Бог.

— К тебе пришел...

О штоб тебе... — Вырвалось у Ольги печально как-то, больно. Что то тянуло ее к этой погибшей душе.

— Люблю я тебя...

И замолчал... Развернулись босые ноги...

Но зинчики не прилетели, дрожа перламутровыми крылышками, напрасно разбудить голутвенного казака...

Поднялась Ольга, перекрестилась и пошла в курень, батяне сказать... Похоронить надо... да как бы получше, по христиански, подостойней... почище.

Санжа Балыков.

Судьба.

Сказать правду, Бельца не был дурачок, но кто-то назвал его так, — так это прозвище и прилипло к нему, что твой репейник.

Сам Бельца сперва сердился и даже несколько раз дрался с товарищами, но в конце концов примирился настолько, что стал забывать свое настоящее имя.

А прозвали его так по старшим братьям; они такую славу приобрели, от них она перешла и на Бельца. Со старшими же братьями дело было так:

В жаркий майский день мчался табунщик Мидун,

старший брат Бельца, по степи, на неукре-четвертачке и наехал на пыльную проезжую дорогу. Свернул он, для разнообразия, по ней и пустился дальше. Скачет он, таким манером, песню бесконечную затянув, вдруг глядь, — бумажник набитый на дороге лежит.

Запрыгало Мидуново сердце от радости, хочет слезть и взять бумажник тот, да боится, что обратно не сядет на неук. А не сядешь, придется пешком верст шесть до хотона переть, да и стыдно будет, что на лошадь не сумел сесть. Увидят — засмеют.

Задумался Мидун, и надумал. Хлопнул кобылу по

бокам и поскакал домой во весь дух. Примчавшись к своей кибитке, крикнул жене:

— Эй!... выходи и следуй за мной.

Та было рот раскрыла, но Мидун мигнул ей и губу нижнюю прикусил.

— Молчи, мол, секрет важный.

Жена поняла — не поняла, только где же калмычке перечить мужу, — пошла за ним.

Широко шагала кобыла под Мидуном, едва поспевала за ним вся распарившаяся от жары его баба. Приехал он на то самое место, где находка должна лежать, а бумажника уже нет. Озадачило это Мидуна; смутился он и задумался... Тут подошла жена и приступила к допросу. Мидун и рассказал ей в чем было дело.

Засмеялась она, забранила его, кажется, от досады, заплакала даже, обещала его опозорить на весь хотон и, действительно, ославила баба муженька.

„Көктешов Мидун дурак“ — пошло сперва по хотону, а потом и дальше...

Со вторым братом Бельца приключилась подобная же история:

Этот был не табунщик, а кучер. Повез он, однажды летом, каких-то господ пьяных, комиссию какую то, не то ремонтную, не то ревизионную.

Пьяные сидят себе да песни поют вразброд, по пьяному; попоют, попоют да начнут о чем-то спорить, или слезут с тачанки и начнут бороться, а то еще — слезет один, сядет за придорожный куст и сидит с деловитым видом...

Весело, одним словом, ехали, с чувством, с удобствами.

А Укурче что же, ему и дела нет до всего этого. Сидит он спокойно на козлах да трубку за трубкой раскуривает.

Наконец, доехали до следующей экономии.

Подъехали к хозяйскому дому, слезли господа, пошли было, да как ударит один по карману, как кинется шарить в тачанке. Говорит — деньги пропали.

Другие тоже стали ему помогать; искали, искали, не нашли, да принялись Укурчешку обыскивать, щупать; а у того, понятно, ничего нет.

Говорят, что непременно кучер украл, грозят его под суд подвести, в тюрьму посадить. Пришлось Укурче плакать, божиться, что ничего не видал.

Шарили, шарили господа, по несколько раз общупали всего Укурче и отпустили с Богом, только один раза два в зубы дал ему. Едет Укурче домой, горюет, что господа напрасно его побили, вдруг смотрит — кошелек под кустиком при дороге лежит.

Слез он, взял кошелек, раскрыл, а в нем много золотых и бумажных денег. Сколько, он и не стал считать, вынул одну бумажку — оказалось незнакомая: желтовато-белая, с белым кончиком и на ней баба выдвлена. Кто его знает, сколько это, номеров он не знал.

Подумал, подумал Укурче, вдруг радостно улыбнулся, сел на тачанку, повернул коней и погнал обратно.

Приехав обратно, он смело вошел к господам, протянул деньги и проговорил:

— Пожалста не давай меня на суд, я нашел твой денюга, бери пожалста.

Господа, конечно, взяли, сосчитали, посмеялись, дали Укурче ласкового подзатыльника и отпустили с миром.

Вернувшись домой, Укурче первым долгом похвалился, как он счастливо и ловко отделался от беды.

Пошла слава, что и второй сын Көктеша — дурачок.

А потом, просто, для удобства, стали говорить, что все сыновья Көктеше дурачки.

Так и Бельце за компанью дурачком стал слыть.

Когда был мальчишкой, оно, конечно, ничего еще было, а подошли года женить, — никто дочку не дает. То да се, — отказывают. Сватались, сватались родители Бельце, да так ничего и не добились, только опозорились на всю окрестность.

Вырос Бельце, стал здоровенным парнем. Уже бегал по вечеринкам, ухаживал за девушками, старался подговорить какую, научился хорошо танцевать, петь, но только куда там, никто и близко к себе не пускает.

А хороший танцор и песенник в хотоне то же, что и знаменитый артист в городе.

Однажды, старшие братья украли для Бельце девушку-сиротку, да родственники ее заступились, избили жениха и девушку отняли обратно, не дав даже переночевать вместе.

Так и не с'умел Бельца жениться; холостяком стал жить.

Много лет прошло — и оказался Бельце с эмигрантами в Константинополе. На французском пайке пожил, поболтался по беженским лагерям да и нанялся во французский иностранный легион. В Африку попал. Пять долгих лет тянулась служба, а как окончилась — приехал Бельце во Францию. Болтать по французски уже умел.

Город, куда Бельце закинуло судьба, был большой, заводов много — и устроился он на одном из них работать, денюгу зашибать.

Видно планида уж такая вышла, счастье привалило — спознался Бельце с хозяйкой квартирной, молодой вдовой, и зажил с ней по семейному.

Пожили они так порядочно, понравились видимо друг другу и решили, по французскому обычаю, в мэрии зарегистрироваться, как супруги; а чтобы не обидеть и обычаев калмыцких, купил Бельце дюжину бутылок „вин блян“, сварил кило десять конины хорошей и позвал земляков, работавших с ним на заводе.

Земляки, разумеется, рады; каждый поздравляет, кладет на стол десяти-двадцати франковую бумажку, кушает мясо, пьет вино и уходит.

Сосчитала перед вечером француженка эти бумажки, подсчитала весь расход, смотрит, — пятерная выгода. Удивилась она обычаю „шинуазов“, понравился он ей, обычай этот.

— Ну, это что, „ма миньон“, — гордо говорил ей подвыпивший на своей, так сказать, свадьбе Бельце, — у нас дома, на Дону, вместо этих бумажек надавали бы коров, телушек, а кто и коня.

Плохо верилось француженке, чтобы где-нибудь были люди, которые на чужой свадьбе коней дарили.

После всех пришел с поздравлением самый почетный для Бельце гость, его станичник, бывший его начальник в войне с большевиками. Для такого гостя Бельце послал за шампанским.

Тихо ужаснулась француженка, но пошла таки и принесла требуемое. Выпили, закусили, стали говорить о прошлом, о хорошем житье-бытье.

И говорит вдруг Бельце:

— Да оно понятно, было тогда хорошо и богато жили, но мне и теперь ничего. Тогда за меня наши простые калмычки не хотели выходить замуж, а теперь француженка пошла. А калмычку разве можно приравнять к француженке. Только генералы да какие ученые женились на француженках, а теперь я, Бельца — дурачок, как меня звали, женат на ней.

Она, моя француженка, как оденется, натянет шляпу да шею лисьим хвостом — обернет и выйдет гулять, что твоя барыня, а она всего навсего моя, „травраера“ значит, жена. Потому культура!

Так-то станичник, заходи почаще, тебе ученому будет интересно с француженкой поговорить.

И так зажил Бельце добрым семьянином.

— Значит, счастье мое было такое, на француженке жениться, — думал он часто.

Прошло недели две после описанной свадьбы.

Однажды заходит, от нечего делать, на станцию тот самый станичник Бельцешки, которого он шампанским угощал — смотрит: Бельца стоит у кассы, билет берет.

— Здорово Бельце, куда едешь! — окликнул его станичник.

— А... это вы. Знаете... удираю от жены.

— Как, что случилось?

— Пускай медведь с ней живет, я не хочу.

— Да в чем дело?

— Как же жить? Когда ни придешь с работы, всегда у нее какойнибудь гость сидит, то негр, то марокка-

нец, или испанец — и с ней вино пьет. Сперва я выгонял гостей, а жене запрещал принимать таких; она все молчала, а на днях и говорит:

— Дурак ты, мосье Бельцей, ну чего ты сердиться, я же тебе помогаю, зарабатываю, а то, что же ты одной своей работой скопить можешь; и что с того, кроме пользы, что гости приходят. — Ну после этого я и ре-

шил уйти от жены такой, — сказал Бельце, — чорт с ней, с французенкой, знать судьба моя такая, что жить весь век холостяком. Ну досвидания, станичник, мне с этим поездом, а то еще кинется искать, паршивка, — заключил он и выбежал на платформу вокзала.

1928 г.

■■■■■■■■■■

Любовь Самсонова.

КУРГАН.

Дикое поле... Забытый Курган...
В камень закован, застыл истукан, —
Смотрят надменно слепые глаза...
В небе высоко ворожит луна —
Тихо плетет в паутинке лучей
Сказку ушедших в забвенье ночей,
Бредит прошедшего былью седой,
Теням тревожит покой вековой...

Будто рыдания, подавленный стон,
Кто там пред камнем повергся ничком?
Руки в запястьях, в цветах гелова,
Черной змеей извилася коса,
Яркого шелка богатый наряд,
Кровью рубины на шее горят...

Плач или песня уносится в поле?..
Горе мое!.. Неизбывное горе!..

Слушает песню нахмурясь Курган.
В вечной усмешке застыл истукан...

„Жизнь короткая, как сон,
Жизнь желанная, как ласка,
Недоигранная песнь,
Недоконченная сказка!..
Пьяное любви вино.
Омут глаз... кольцо об'ятий.
Неразрывное звено,
Неизбывное заклатье!
Вихрь безумных, жарких слов,
Поцелуй, как укусы,

Ключья порванных шелков,
Раскатившиеся бусы...
Сон усталый на заре, —
Поцелуй прощальный в губы.
Путь последний на коне...
Боевые трубы...

— — — — —
Не вечерняя заря
Кровью запылала,
Оперенная стрела
В грудь поцеловала!

— — — — —
Кто погиб в бою, тому
Нужно в путь с собою
Взять любимую жену
Да коня лихого.
Чтоб на том коне скакать
В битвы неземные,
Чтоб жену свою ласкать,
Как и в дни былые.

— — — — —
Под Курганом дремлет вождь
С молодой женою,
Над Курганом плачет дождь
Осенью глухою!

— — — — —
И когда весной луна
По степи колдует,
Молодой жены душа
Плачет и горюет.
К камню тянутся с мольбой
Призрачные руки...
Хмурится Курган седой,
Сторож вечной муки.

■■■■■■■■■■

П. Атаманцев.

* * *

Ветер воет над курганом —
Гнет к земле ковыль,
Над широким старым шляхом
Поднимает пыль.

О казачьей прежней воле
Он лишь не забыл —
Злобно плачет в Диком Поле...
Чу! Опять завыл!..

Все ломает с злобным смехом,
Листья рвет с дерев.
Нет конца его потехам,
Страшен буйный рев!..

Но не в силах ветер вольный
Волю воскресить.
Так неси ж наш клич разбойный
Казачьих будить!

Алексей Персидсков.

(Брно).

* * *

К нам сегодня с Дона ворон прилетел,
Ворон, ворон черный вести нам принес —
Говорит, что дом наш старый погорел,
И золу сухую ветер в степь унес.

Говорит про вольность, что ковалась нами —
Будто эту вольность недруг наш украл
И заняв просторы красными полками
Правит с чертом сумасшедший бал.

И еще сказал нам, что могилы павших
По степи широкой — сровнаны с землей,
И в Черкасске будто плачут о пропавших,
И о тех, кто кинул край родимый свой.

■■■■■■■■■■

М. Забігайло.
(Югославія).

ДАЛЕКІЙ КОХАНІЙ ДРУЖИНІ.

Тобі, моя вірна подруґо,
Я вірші оці написав,
Бо иншого, кращого друга
Не маю, та й з малку не мав.

Давно ми укупі з тобою
Пішли, бо дорога одна;
Стрівались ми з лихом, нуждою,
Та хто в світі лиха не зна!

Колючка й тернина в дорозі
Давались нам часто в знаки;
Були на дощі й на морозі,
Широкі пройшли рівчаки.

Та міцно узявшись за руки,
Ішли ми рядочком удвох;
Нігде не було нам розлуки,
І був нам на поміч сам Бог.

Довгенько ішли ми з тобою, —
Літами вже стали й старить;
Ступала ти важче ногою
І личеньком стала марніть.

Здалось нам, що вже половину
Важкого шляху ми пройшли;
Що видно вже рівну долину,
В якій ми давно не були.

Та, Боже мій! Де ж ти взялася
Страшна та лихая доба?
За що на звесь світ піднялася
Крівава людська злоба?

Мов хвиля та в морі, кипіла,
А кров полилась, як вода!

І скоро наш край затопила
Велика всесвітня біда.

Одбившись од рідного краю,
Живу та сумую один;
Сім рік на чужині блукаю,
Мов блудний євангельський син.

Давно уже ліг би в могилу, —
Замучила б думка сумна,
Як би не дала мені силу
Надія на Бога одна.

Держить і тепер та надія,
Як зірка у серці горить:
Хоч довго дуріла Росія,
А край мій ще цілий стоїть.

І Бог дає силу терпіти
Розлуку з тобою, мій Край;
І знаю, дасть силу уздріти
Тебе, мій замучений рай!

В раю тім так сонечко гріє,
Так весело степ виграє;
В садочку там хатка біліє,
А в хаті — все щастя мое!

Те щастя — кохана дружина,
Подруга од юности літ,
Родила що три мені сина
І дочок чотирі на світ.

Сама вона вік доживає,
Бо діти усі одійшли;
Того тільки жде — виглядає,
Що вірно у парі жили...

Голубко моя сизокрила!
Надія уся наша — Бог.
Повір же що є в Його сила,
Що знов будем жити удвох.

Юрій Гончаров.

СВИТОК.

По стеклам упрямо и озорно стучит кулаками октябрьский дождь.

В кафе бледно маячат столы с белыми скатертями, потускневшие от сумеречного дыма зеркала и веет голосами немногих посетителей. Чуть прищуренному глазу медлительная пустота открывает целый мирок диких: в сивой сумятице, важно раскланиваясь, ходят несуразные головы — без туловищ или с уродливыми синеватыми бедрами. Хитро подмигивая, растягивают белесые рты и, качнувшись, расплескиваются по столам или уплывают в матовые глади зеркал... За дальними столиками тлеют красные огоньки сигарет и курятся прозрачные дымки...

После долгих размышлений я как-будто пришел в себя. То, что случилось утром, сейчас поблекло, побледнело. Вечер — утра мудренее.

Помню —

чинные и торжественные, как и все здесь, стены профессорского кабинета Высшей Технической Школы... Жесткую и серую казенную улыбочку на безжизненном лице декана, нелепой глыбой нависшего над сто-

лом с бумагами... и вдруг моментально сбежавшую с этого лица казенную улыбку... Злые, исполненные жадности, стеклянные глаза уставились на меня. Еще помню — прерывающийся, скрипучий голос с ненавистью проклокотавший:

— Вы... во второй раз записываете третий курс?... Да ведь это-же позорно гибнущие деньги, что отпускаются на вас из государственной казны!...

Помню, что при этих словах — в серые щеки декана брызнула слабая краска и бумаги мои, с силой брошенные на стол, подлетели вверх к изумлению ожидавших очереди студентов.

Сказанное было так грубо и неожиданно, что кроме хаотических обрывков фразы, в моем мозгу ничего не отгиснулось. И только плоские бескровные губы декана, да жадные мутные глаза заострили и окончили его мысль:

— Зачем вы такие учитесь в высшей школе?... Почему вы не хотите быть — сапожниками, портными, столярами... или чем другим!... Кому от вас польза?...

Тогда, чувствуя, что смертельная бледность покрывает мое лицо, я с такой-же ненавистью уставился в свинец глаз декана и вздрогнувшим голосом произнес:

— Успокойтесь, господин декан. От министерства я ничего не получаю... Мне, однако, странно слышать от вас, господин декан, такие слова. Я не раз слышал подобное от ваших седлаков, рабочих и мелких властей имущих... Но от профессора — слышу в первый раз... Будьте добры, возвратите мне бумаги и, ради Бога, не огорчайтесь... Еще раз повторяю, от республики я ничего не получаю, а живу на свои деньги...

На мертвом лице мгновенно мелькнуло что-то похожее на гнев, но гнев неискренний; потом стеклянные глаза замигали и вновь, долженствующая изобразить сарказм, усмешечка выдавилась на губах...

— Ну это-ж... что-ж, вы? Ну, конечно...

Я сгреб бумаги и быстро вышел, не чувствуя под собой пола... Тревожный шепот студентов зашевелился позади и, кажется, кто-то протянул руку меня остановить.

Сбегаю по лестнице, я мысленно отряхивал прах со своих ног. Будь все проклято!... Моя нога здесь больше никогда не будет...

Иисус — Мария!... Смешно вспомнить — как я утром бесновался и каких планов не строила моя голова!... Теперь все улеглось. Но, господин декан... я вам обещаю — мы еще с вами рассчитаемся. Я вас отлично знаю, г-н профессор.

... У вас была дочь... и она любила одного оканчивавшего школу студента. Но этот студент был вам ненавистен и ваша воля на экзамене проваливала его пять раз. Вы помните?... студент после этого бросил техникум. А ваша дочь — застрелилась... В вашем кабинете...

Вот что, г-н профессор — на месте того... кто любил вашу дочь, я-бы... вас тоже — застрелил...

Прощально кивая безротыми головами, потекли, качнувшись, синие туманные чудища в стороны и — вверх... Кого-то пропустили в раскрывшиеся пустоты, кому-то заглянули в глаза и шепнули издали: „Мы еще придем... придем...“ А через ключья дыма в зал вошла говорливая группа студентов, задвигала стульями, зазвенела восклицаниями и женским смехом... Сухощавая фигура в черной шляпе выросла вдруг перед моим столиком и металлическим тенором произнесла:

— Андрей, ты?... Здорово дневал...

Кое-кто из знакомых тоже издали перебрисил приветствия, и напротив меня застучали подносы и кофейные чашечки. Сказав пару слов, туда-же направился и сухощавый...

— Света не будем зажигать... Вы, коллега, ничего не имеете против? — донеслось ко мне из жужжащего угла.

— Нет... Ради Бога.

Я глубже забиваюсь в угол.

Опять радостно заколыхались сумеречные дива и двинулись к столам. А тот, что возник около меня, протянул палец в дымовую щель и шепнул: „Смотри“... В кривой щели я встретил направленный на меня взгляд больших синих глаз...

Тотчас-же белесое чудище снова загородило всю группу. Это было немножко досадно... Но зато спокойнее.

Студенты — почти все мне знакомы. А ту студентку, нет — не знаю... А впрочем — мне до них нет никакого дела. У меня свои заботы.

Итак, господин декан — на чем мы с вами остановились?... То, что ваша дочь застрелилась, вас ничуть не переменяло. Вы остались... А, ну его к дьяволу! Что я тут диалог с отсутствующим профессором веду? Надоело.

Зажигаю спичку и слежу, как умирает алый огонек и колышутся красные блики и пламенные крылья по стене... А в конце концов, мне все же предстоит уехать из Праги. В этой школе я не останусь...

— Гнутов! — громко говорит вдруг тот студент, что подходил ко мне. И встает...

— Иди к нам... Позвольте вас познакомиться...

Я поднимаюсь и поочередно жму руки трем студентам и двум студенткам...

Вечер прошел шумливо и уютно. Я разговорился... Разошлись мы поздно.

... Возвращаясь к себе, я встречаю на улицах редких шатунов и темные фигуры полицейских. Город спит. В черной пещере ночи, сплетаясь вдалеке, мерцают зеленоватые цепи фонарей, и дышит ветер.

Я решил остаться в Праге.

* * *

Утром, ох с какой неохотой, направляюсь я в школу... Две силы толкают меня —

одна — вперед, другая — обратно.

Остаться здесь, или нет?

Пройдя вестибюль, я поднимаюсь по лестнице и, обернувшись лицом ко входу, прислоняюсь к стене... Мимо, согнувшись, по ступенькам проносятся спешащие студенты...

И, когда из-за двери показывается маленькая фигура с пепельным нимбом волос на голове, я быстро поднимаюсь на следующую площадку.

И, озлившись на самого себя, останавливаюсь.

Через минуту Нина Дьяконова взбегает по лестнице; сверкнув зубами, дружелюбно здоровается.

— Вы что-же здесь делаете?

Глядя в ее глубокие синие глаза, я чувствую себя знакомым с ней лет сто. И усмехаясь, отвечаю:

— Ворожкой занимался.

— А-а? Это как-же?...

— Не скажу. Соврать не хочу, а сейчас вам открыть, ей-Богу, не могу...

Дьяконовой почему-то тоже весело.

— Ишь, вы, скрытный какой... А когда-же?

— Через десять лет.

— Ого!

Заговорившись о вчерашнем вечере, мы пропускаем начало лекции. Дьяконова ахает и набрасывается на меня:

— Слушайте. Ну что я теперь буду делать? Я вам не прощу. Это вы меня заговорили.

Овороженный огнями ее глаз, я только усмехаюсь.

— Идите гулять! — неожиданно кончает она.

Да это-же прямо чудесно!... Я приношу извинения, рассыпаюсь мелким бесом, ибо вижу, что не так уж она огорчена нашей оплошностью.

Мы чуть было не пропустили и второй лекции.

Э-гой, славная моя степовая Река с хризолитовыми заливами в камышевых коврах, с небом синего шелка да с приземистыми церквями!... И эта девушка — в серебряные вечера сторожила тишину на твоих берегах и гладила рукою тронутые росой прибрежные травы. И эта девушка — знает, как лепечет дремотный хмельной воздух заречный, как — в зеленых кутах лесные духи и лобастые великаны спят у воды, положив головы на песчаные косы! И не раз зигзаги наших путей приближались друг к дружке, но коснулись — в чужой земле.

Велика Артемида Ефесская! как говорят наши студенты. Пусть будет все как есть.

Я почти не слушал вкрадчивого голоса декана, высказывавшего ехидные извинения...

Итак — я продолжаю учиться в школе.

* * *

— Ну, ты что-то невнимательно сегодня играешь. Я тебе этот зевек теперь не прощу...

Поципывая струны гитары, возлежащий на кушетке, Полковников предполагает:

— Должно быть влюбился.

Шахматная доска и склонившаяся над фигурами светловолосая голова Журавлева — будто где-то далеко маячит за тусклым стеклом. Мысль моя лишь слегка касается запутанного хода игры. Кушетка дымит от сигарет, лениво курящего Полковникова, который — то скрывается, то снова появляется в сизых облаках.

Я смотрю на гладко причесанную его голову, на тускнеющее от тумана окно, и думаю...

Я нахожу, что мое решение остаться в техникуме, не было остроумным. Да и вообще не следовало мне задерживаться в этом городе. Что я здесь забыл? Город надоел, жизнь повлеклась уныло. И в школу-то я почти не хожу... В последний раз с омерзением каким-то уходил оттуда. Видел тогда Дьяконову. Пробежала быстро и, не протянув руки, торопливо ответила: „Здравствуйте...“

— Шах... — щелкает под ухом.

Дьяконова очень общительная студентка. Постоянно около нее вертятся однокурсники...

Чьи-то спины загородили ее от меня, чьи-то рты говорят ей ласковые слова. И она щедро рассыпает улыбки этим невидимкам... Одну такую назойливую спину я хорошо знаю. Вон там — она сейчас покоится на моей кушетке...

— Шах...

Невеселое мое житье. Снова встал серый призрак с жесткими очами... Издалека, бесшумно подобрался ко мне, как змея в траве. Чтобы удушить в скользких кольцах... Иногда темнеет в глазах, а во всем теле слабость... такая смертная слабость... Но я не сдамся.

Кружатся по комнате, скользят синие змеи с кончиков двух тлеющих сигарет... Угрожающе разевают голубые пасти, свиваются в петли и, низринувшись вниз, жалят в головы шахматные фигурки.

— Шах-х...

Туман, туман кругом. А в тумане — змеиные хвосты, синие глаза и дымчатые ленты...

Ржавые железные листья бьются по стеклам и колкий осенний ветер южит в щелях...

— Мат! — торжествующе восклицает Журавлев и, взглянув на часы, изумляется:

— О? Уже три часа. Пошли скорее обедать...

Я чуть было не брякнул: „Не хочу. Уже обедал...“

— Идем, что ли?

— Нет. Я не голодный, утром хорошо закусил...

Спать хочется...

— Ну, как хочешь? А чертежи...

Поправив очки, Журавлев указывает, что надо дочертить. Потом оба они выходят.

Я ложусь на кушетку и закрываю глаза...

* * *

— Здравствуйте...

— Здравствуйте...

— Звенят...

— Звенят...

Падают и с треском разбиваются о землю коричневые каштаны... Друг за дружкой гонятся сухие листья, наполняя парк железными звуками. А в кустах, а между деревьями — кутерьма, содрогания и лихие свисты осенних вихрей...

— Хх-хху-хху-уу... — лопочут оголенные верхушки, — зима скоро... зима скоро, — и сеют червонные листья в серое холодное небо...

— О чем вы думаете?...

— Ни о чем, Нина Григорьевна...

— Вы осень любите?...

— Люблю, Нина Григорьевна...

— Осень лучше всего. Будто все живое становится... и листья и ветер... и непонятное таинство совершается кругом. Колдовство какое-то...

— Колдовство, Нина Григорьевна.

Голова в нимбе пепельных волос резко поворачивается:

— Что вы мне полный титул вычитываете?

— Не имею чести считать себя в числе близких знакомых...

У-ии-и... Фю-ии-и... — переливается по верхушкам каштанов.

Дьяконова молчит. Глаза у ней сразу темнеют.

Она сказала правду. Великое колдовство — в осеннем царстве! Не умирает, а оживает все. Лето — знойный и зеленый сон. Белый студеной сон — зима, но осень — буйное волхование ветров, магические круги поющих листьев и загадочная ворожба туманов, растворяющих ворота в иные миры, в которые — жутко заглянуть... Вот — закрой глаза на минутку и, когда раскроешь — все станет иным. Потемнеет осеннее цар-

ство, зашевелиятся пробуждающиеся призраки и снежно-бородые гномы с фонариками в руках прошепчут заклинания... И с изумленными глазами, толкнувшись о камень, взлетишь над деревьями и, обгоняя листья, понесешься в диковинную землю — в воздушную башню царицы Осени...

Откуда-то, словно ветровая моль, долетает чей-то сердитый голос:

— Вы обо мне, кажется, вовсе забыли. Даже глаза закрыли... Досвиданья, мне надо идти.

— Досвиданья, Нина Григорьевна...

Брови у ней снова сдвигаются.

— Знаете что?... Не можете ли вы без титула обойтись?

За ее плечом красный колпак и косматые брови гнома, указывающего дорогу белясому духу...

— Хорошо, Нина.

Чувствуя какую-то угрозу в моих словах, Дьяконова настораживается...

— Ей-Богу, вы сегодня странный какой-то... Еще раз досвиданья. Не провожайте меня...

— Досвиданья.

Два бородатых гнома, облокотясь на мои плечи, глядят как за текущими каскадами жестких листьев меркнет и меркнет уходящая осенняя женщина...

* * *

Восемь — тяжелых как могильные плиты, жутких и хаотических, как льдины плывущие в тронувшейся реке, восемь дней — протекло и закатилось в прошлое. Серый, жестокий призрак оттянул пальцы от моей шеи и, загадочно поглядев в душу, исчез куда-то...

Имя ему — голод.

И сегодня, в том-же парке, где была случайная встреча моя с Дьяконовой, я глубоко вздохнул, вспоминая ушедшие дни.

Так-же, как и тогда, безлюдны аллеи и на скамейках — осыпавшиеся листья. То-же нахмуренное небо и ветровые свисты по кустам... И суровые великаны с облетевшей листвой смотрят вниз, где копошатся сухие ворохи и чертят на земле магические круги... Мне хочется засмеяться, потому что — воздушная легкость кругом. Засмеяться и сказать:

— Здравствуй, осенняя земля... Здравствуйте шумливые листья... здравствуйте веселые ветры...

А вихри свивают и раскидывают потемневшие червонные лоскутки, рисуют новые непонятные знаки, завитки и кольца... Как-бы хорошо разгадать их тайну и, поняв, сухопалым оборотнем побегать во дворец царицы Осени... От движущихся знаков рябит в глазах, и в них я читаю только одно, мне открытое — сегодня придет... придет сюда синеглазая женщина с пепельными волосами... Это я знаю. И красные колпаки гномов кивают мне из-за деревьев: „Так... да-да...“

... Окутанный осенними голосами, я вздрагиваю, когда Дьяконова неожиданно появляется в двух шагах от скамейки. Все моментально спутывается в мозгу... Я снимаю шляпу и нерешительно предлагаю:

— Не хотите отдохнуть?

Поколебавшись Дьяконова садится рядом.

У наших ног кружатся и кружатся многоцветные сухие лоскутки... В гомонящих кустах — красные шапки гномов...

Дьяконова беззаботно болтает о разных разностях, а я не знаю — что мне говорить. Рот мой запечатан... И это начинает меня сердить...

Дьяконова зовет меня на какую-то вечеринку и, полуобернувшись, настойчиво спрашивает:

— Будете?

— Хорошо...

Я зажигаю сигарету и снова синие змеи — теперь вертлявые и злые — рвутся во все стороны — на волю, в холодные просторы. И там тают...

Помолчав Дьяконова оборачивает опять смеющиеся глаза ко мне:

— Вы, говорят, разносчиком газет теперь? Правда?

Я вспыкиваю как порох от ее смеха... И говорю сквозь зубы:

— Вот как?.. Вы... хорошо осведомлены о моей жизни... Что-ж, правда. Знаете, как студенчество живет...

Глаза у нее раскрываются все шире и шире. Кажется, что они будут расти без конца... Побледнев, она говорит:

— Да что с вами?.. Неужели вы думаете, что я хотела вас оскорбить?.. Вы сердитесь?

Долго смотрю на ее ресницы и постепенно тает моя, внезапно вздыбившаяся ненависть... Но мне горько. Ох, я не совсем забыл жуткое время голода.

— Нет, не сержусь...

Оба мы притихаем. Опять благодатная полутьма наполняет парк, тянутся голубые волокна... В глубине сада будто мшала черная мельница простирает гигантские крылья и великан — рыцарь Печального Образа в латах из медных листьев, опершись на острую верхушку мельницы, стоит, опустив вниз изможденное смертельно-бледное лицо... А по аллеям — стук и треск и непрерывная пляска осенних листьев...

— Видите? — указываю я.

— Что?

— Дон-Кихот и мельница...

Глаза ее блещут.

— Поразительное сходство!

Но я упрямо повторяю:

— Не сходство, а на самом деле так...

— Да, — тихо соглашается Дьяконова.

Тогда я рассказываю ей все, что кругом творится... Причудливые, безобразные химеры, выглядывающие из-за кустов, живут в ином мире и этот сказочный мир, полный изменений и неожиданностей — здесь, около нас... Вот шелестят магические петли из блеклых листьев и — есть-ли на свете человек, который сможет прочесть их движение и мудрую красоту?.. Маленькие существа, пронизанные колдовскими мыслями, рассыпают великие тайны и чертят кому-то загадочные пути... И души умерших наполняют почерневшие кусты и уголки замглившегося сада...

Фантастическая пасмурность парка подтверждает мои речи тихим шорохом, и слова мои, как заклинания, колеблются в бледном воздухе... И время, шелестя черным платьем, проходит мимо нас...

И когда я замолкаю, в широко раскрытых глазах Дьяконовой, овеянных осенними шорохами, загораются огни и страх. Я молча беру ее за руки и смотрю под ресницы... Мир — наш... В этом мире — химеры, косоглазые оборотни, красные колпаки гномов, да шуршанье железных листьев. Больше никого... И, только — когда я кладу Дьяконовой ладони на плечи, она прерывисто дыша, еле слышно шепчет: „Андрюша... Здесь-же могут быть люди...“

Придвинув лицо к ее вздрагивающим губам, я говорю:

— Здесь не может быть людей...

* * *

... Синий волшебный огонь зажгет и приблизил нас в осеннем парке... Завертелось могучими взмахами пламенное колесо времени.

Дни пробегает победными крылатыми молниями...

Двадцать четыре часа в сутки — это очень мало для нас... Куда-то исчезла туманная бездна будней. Где-то скрылись надоевшие хищные лики людей, нико-

го не любящих и страшящихся поворотов огненного колеса времени. Каждый день — к новым светам мчимся на выросших крыльях, ищем чудес и прочитываем поверья каменных книг города...

Мы встречаемся — у вековых стен готических соборов, закутанных в синие шелка вечерних сумерек, у подножия каменного великана, устремившего взгляд в вечность — за молчаливыми развалинами каменных старинных зданий, и в черной насторожившейся глубине облетающих парков...

В свете зорь, алых как девичий рот, я разыскиваю ее под лохматыми елями на скамейке безлюдного сада. На скамейке, усеянной холодными жемчугами утренних рос. И, окропленные солнечными иглами, мы идем — куда глядят глаза... Если торжественные медные звуки, струясь с островерхих колоколен, колеблют тишину пробуждающегося города, мы направляемся в сумрачную дрему древнего костела... Туда, где клонятся одинокие силуэты молящихся и желтые острия свечей колышутся перед каменными статуями... Скорбная тишь, витая над поникшими головами, забирается и в наши души. А под сводами смотрит на нас приютившаяся крылатая темень и холодное дыхание ушедших столетий... И, когда торжественные голоса органа говорят Богу что-то горестное и покорное или возносят мощные волны ликующих звуков, нам чудится, что молебные звоны поднимут нас и увлекут с собой к Божьему престолу... И, с сожалением оставляя средневековый полумрак, мы готовы крикнуть на весь мир, став посреди площади:

— Эй, люди!.. Бросайте все!.. Идите. Идите строить под небом Храм Господу Сил!..

Кажется, что проходящий в черной сутане бритый священник, читает наши мысли и беззвучно произносит: „Мир вам... Любовь вам...“

Потом, поднявшись на самую верхушку синего своего пути, солнце поманит обоих нас в говорливые комнаты ресторана, а золотистые солнечные лучи просунутся в двери за нами и заиграют на блестящих ножках и винных бокалах... После обеда мы еще успеем зайти на старое жидовское кладбище — с осыпавшимися могильными буграми, с непонятными надписями на покачнувшихся плитах... Позже начнут тускнеть на камнях и стенах золотые солнечные лоскуты и, провожая угасающее светило, мы следим за фиолетовеющими пустотами улиц. Еще позже, у подножий домов совсем потемнеют синие сумерки, зажгутся фонари и в низкое небо золотыми еженятами поползут колкие звезды... В этот час сдвигаются старые дома в непроеходимую стену и тонкие силуэты соборов четко рисуются под звездами...

В этот час я рассказываю Дьяконовой, о чем думаю накупившиеся дома и какие странные истории скрывают померкшие окна. И в подвечернем мраке, слушая мои выдумки, она вся светится, как лампадка, от огней в сияющих глазах...

Уходя к себе, Дьяконова жмет ко мне, обхватывает руками — будто хочет захватить меня всего и чуть не плачет, скрываясь за дверью...

— Синих снов...

Спят угрюмые дома и грезят о давних веках...

(Продолжение следует).

Гнат Макуха.
(Югославия).

* * *

Сини мої, Чорноморці,
Сини — голуб'ята,
Не втирайте кулаками
Молоді очята.
Не втирайте, бо ще рано —
Жива Кубань-мати!
Прийде доба, що ще її
Будем обнімати;

Прийде доба, що Кубанські
Всі степи широкі,
Всі лани, річки, могили
І балки глибокі
Привітають нас, як рідних...
Будем панувати!
А до того? — Діти, діти!...
Бодай не казати, —
Наймитами у чужині
В ярмі наша мати!
Тяжко й сором синям волі
Про се і казати...

— Єднаймося ж, діти мої,
Молоді орлята!
Всі до купи! Всі до зброї!
Треба виручати
Край наш рідний — Кубань-неню;
Шукать собі долі.
Доки-ж будем працювати
На чужому полі?
Доки будемо тинятись
Чужими степами,
Та гіркими свої очі

Обливать слезами?
Хіба сього від нас чека
Кубань — наша Мати?...
— Єднаймося-ж, братуймося,
Та гуртом до зброї —
Від голови чорнявої
Та аж до сідої.
Хай же ворог наш пізнає,
Що ми козачата,
Що ми славних Запорожців
Рідні унучата.

Казаче-иногородний вопрос.

Один из самых больших „больных“ вопросов, подлежащих обязательному разрешению при решении вопроса о государственной самостоятельности Казачьих Земель, есть и будет решение так наз. иногородного вопроса на Кубани, крестьянского и иногородного на Дону.

Решение этого вопроса — это, в то же время, решение основного конституционного вопроса о гражданстве Казачьих Республик: кто же есть полноправный гражданин Дона, кто — гражданин Кубани.

В недавнем прошлом, когда Казачьи Земли восстанавливали свою государственную самостоятельность, и Кубанская Рада и Донской Круг неоднократно подходили к этим серьезным вопросам; но правильному решению их в то время мешали внешние причины: война Казачества с московскими большевиками и, в большинстве, московско-большевицкая ориентация самого иногородного населения Казачьих Земель. На Кубани, напр., большинство иногородного населения необходимой предпосылкой сговора с Казаками ставило требование о признании Казачеством Московской Советской власти, а, значит, и сохранение единства „советской России“ (декабрьские, 1917 г., с'езд и Рада).

Еще в начале революции 1917 года, иногороднее население в Казачьих Землях с его ориентацией на Всероссийское Учредительное Собрание почувствовало себя над казаками среди него получило всеобщее распространение настроение в пользу „рассказачивания“ Казачества, чем подкреплялись психологические предпосылки у казаков в пользу более осторожного отношения к полному и немедленному решению иногородного вопроса. Можно сказать, что у казаков в это первое „революционное“ время действовал больше инстинкт самосохранения, чем холодные политические расчеты. Оглядываясь сейчас назад, можно только констатировать, что, к сожалению, в этом прошлом, в общем, не было нужных и надлежащих предпосылок для спокойного, правильного и справедливого решения вопроса. Да и вряд ли эти предпосылки

могут быть в тот момент, когда все вопросы решаются „страстями“.

В 1917 году „неравенство“ „заинтересованных сторон“ (казаков и иногородных) сказывалось не только в неодинаковом понимании, или в стремлении к неодинаковым конечным результатам решения казачье-иногородного вопроса, но различие было и в самом подходе к вопросу, в неодинаковом понимании метода решения его и, что самое главное, обе стороны расходились в понимании того: кто же может и должен вопрос решить. В то время, как казаки, восстанавливая свое государственное бытие, признавали за собою бесспорное право на полное решение вопроса (за себя), большинство иногородных связывали себя и свое решение Всероссийским Учредительным Собранием или того или другого цвета Москвой.

Как же понимать иногородный вопрос в Казачьих Землях и кто и как его может и должен решить?

Иногородные — это иммиграция в Казачьи Земли из России (Великороссии) и из Украины. И борьба („неравенство“ сторон) в прошлом между Казачеством и этой иммиграцией была и есть естественное, „законное“ и неизбежное явление, имеющее место всегда и везде там, где на одной и той же территории встречаются (сталкиваются): старое население страны (аборигены края, туземцы) с новыми пришельцами (иммиграцией). Мы, теперешняя казачья эмиграция, прекрасно, своими собственными глазами видим эту борьбу сейчас во всем почти мире. Одни, старые хозяева страны, защищают свое право и свое достояние, другие, пришельцы, тоже „хотят жить“ и „просят потесниться“. Одни, сильные, устанавливают нормы, „квоты“, не дают виз. С этим мирятся, потому что „не сила“. Здесь царствует право, право сильного. Те же другие, которые не сумели в прошлом создать надежных „таможенных застав“, не смогли провести на своих рубежах таких границ, перейти через которые можно бы было только с визой, — те сейчас „теснятся“, уступая понемногу свое место и свое право. Здесь тоже царствует „пра-

во“ сильнейшего. Где, на чьей стороне правда и справедливость?

В условиях, аналогичных положению Казачьих Земель, борьба между старым населением и новым, пришлым, кончается двояко: или подчинением новых пришельцев божеским и человеческим законам той страны, куда они пришли, т. е., в конечном счете ассимиляцией, слиянием иммиграции с аборигенами: новые пришельцы становятся в ряды старых граждан страны; или пришельцы вытесняют старожилов, ведут с ними войну, пока не восторжествуют, пока не подчинят своей воле „недорезанных“ аборигенов. В этом последнем случае, край приобретает новый характер. „Оправдываются“ подобные „культуртрегерские предприятия“ в большинстве интересами „цивилизации“ или интересами „общей Родины.“

До революции 1917 года, положение в Казачьих Землях подходило больше (благодаря, главным образом, большой силе сопротивления, стремлению Казачества к самосохранению) к первому случаю. Медленно уступали казаки свои позиции, понемногу переваривая пришлый элемент и подготавливая его ассимиляцию. На Кубани, не один раз, ведь, была громадная приписка в казаки. Только огромный наплыв пришельцев в последние перед войной десятилетия, нарушил естественный процесс „акклиматизации“ и создал действительно острый „иностранецкий“ вопрос.

После оккупации Казачьих Земель московской советской властью и утверждения владычества там Р. С. Ф. С. Р. и СССР, Казачество этой внешней грубой силой отстранено было (и есть) от решения всех, в том числе и иностранецкого вопроса. Чужая сила решила, вернее пытается решить его против воли Казачества. Москва всей своей тяжестью надавила на Казачьи Земли для того, чтобы решить вопрос Казачьих Земель по второму способу, т. е. ликвидировать Казачество, а его Земли обратить в обыкновенные русские губернии с обыкновенным русским населением. В свое время мы вернемся еще к колонизационной работе и колонизаторским планам Москвы в адрес Казачьих Земель.

Иностранецкий вопрос — большой вопрос и не раз еще придется нам возвращаться к нему для полного и всестороннего его освещения, тем более, что все равно он еще не решен, а решен он должен быть, но не так, как решает его и сейчас еще Советская Москва.

Нам хотелось бы наперед подчеркнуть и то не столько для нас самих, сколько для другой стороны, что хорошее решение вопроса зависит не только от доброй воли казаков, но в не меньшей мере, и от доброй воли и поведения самих иностранцев. Что касается прошлого, то не казаки виноваты в том, что такого хорошего решения не было найдено.

Свой путь решения трактуемого вопроса мы уже наметили и это ясно сказали: это — путь первый, для нас единственный. Мы, казаки, аборигены своих Земель, сходить с исторической сцены не

хотим, мы тоже хотим жить. Переселиться больше нам уже некуда. Исторические условия создали нам „иностранецкий“ вопрос. Мы с этим считаемся, как с фактом, и хотим решить его так, чтобы нам не пришлось прекращать свое историческое существование. Мы имеем все права божеские и человеческие защищаться. Пусть пришельцы становятся в наши ряды, пусть они, если хотят жить на казачьей земле, служат нашему Краю, прежде всего.

Мы уже сказали (см. первый номер „В.К.“): „нужно правильно и раз навсегда решить: на Дону — вопрос крестьянский, на Кубани — вопрос иностранецкий. Нам кажется, что, в целях создания внутреннего мира, укрепления начал государственности и развития экономического благосостояния наших Краев, единственно правильным решением будет оказать, т. е. дать все права гражданства наших республик, равно, как и обязанности, всем тем, кто жил или родился в пределах наших областей до войны.“

В номере тринадцатом мы еще раз подтвердили, что „нужно... искреннее и полное примирение и соглашение казаков со старым (до большевизмом) иностранецким и крестьянским населением на Дону, на Кубани, на Тереке... Они должны стать такими же гражданами Казачьих Республик, как и сами казаки.“

Мы считаем, что, раз мы ставим вопрос о государственной самостоятельности Казачьих Земель, нельзя и „иностранецкого“ вопроса ставить иначе, чем это делаем мы. Такая постановка — единственный путь к внутреннему миру в Казачьих Землях, который нам нужен не только на время борьбы за освобождение, но и в последующее время мирного строительства наших Краев.

Нужно правильно только понимать слово „оказывать“. К а з а к а м и, конечно, иностранцев сделать нельзя, но г р а ж д а н а м и Казачьих Республик — да! — такими гражданами, которые бы имели все права и все обязанности, наравне с казаками. А дело потом уже самих иностранцев — сделаться казаками.

Трудно сразу дать окончательное и исчерпывающее решение иностранецкому вопросу (как всякому большому вопросу), но „уходить“ от его решения Казачество, в своих же интересах, не может. Иначе его будут решать другие против интересов Казачества.

Мы знаем, что многим наша постановка вопроса покажется слишком смелой. Мы прекрасно понимаем, что многим из нас нужно преодолеть чувства, созданные недавней еще борьбой, что при решении этого вопроса, встанет целый ряд „деловых“ вопросов, затрагивающих материальные интересы той и другой стороны, а из них на первом месте, несомненно, стоит вопрос земельный. Но, отдавая себе ясный отчет во всей важности вопроса, мы приглашаем всех наших братьев побороть чувства и подчинить их разуму. Этот вопрос нужно решать по расчету. И к решению его нуж-

но заранее готовиться. Нужно, прежде всего, всесторонне и наиболее полно осветить все вопросы, связанные с вопросом основным. Нужно знать заранее не только как нужно решить вопрос, но и то, каковы будут последствия принятого решения.

Зная то, что делается сейчас в Казачьих Землях, мы для всех тех чужих, кто так или иначе решал или думает решать там „иногородний“ вопрос против Казачества, хотим во всеуслышание сказать ясно и определенно: никакая посторонняя сила не решит иногороднего вопроса. Даже кровавые московские

большевики и те не задушили отпора Казачества против своих колонизационных планов. Окончательно решить вопрос может только Казачество.

А теперешним господам положения из московского Кремля и всем любителям чужого не менее решительно заявляем: никаких ваших разделов Казачьих Земель, никаких ваших колонизаторских планов мы никогда не признаем и с ними никогда не примиримся. Разделами и колонизаторскими планами и „иногородний“ вопрос не только не решается, а, напротив, только усложняется.

● 本報記者 王曉明 採訪 王曉明 採訪

Т. Стари́ков.

Булавинское восстание *).

I.

В конце царствования Ивана Грозного южная граница Московского государства проходила через Шацк, Рязьск, Данков, Орел. От этих пунктов на юг раскинулось огромное, никем не занятое и никому не принадлежавшее, так называемое „Дикое поле“. А за ним, далеко на юге, по берегам Дона, Терека, Яика, жили вольные люди, вольные республики, казаки Донские, Гребенские и Яицкие. Они были независимыми государствами.

Жизнь в казачьих республиках сложилась на совершенно иных началах, чем в Москве.

Там государственная власть принадлежала одному лицу, никем и ничем не ограниченному монарху; в Казахских республиках властью был сам народ. Полноправным хозяином, верховным судьей и законодателем был Войсковой Круг. Он ни от кого и ни от чего не зависел. Если в Москве, царь опирался на боярский и дворянский класс, то в Казахских республиках Войсковой Круг опирался только на собственный разум и на разум всего казахского населения, только на его добрую свободную волю. В Москве были владыки и подданные, рабовладельцы и рабы; у казаков же было полное гражданское и политическое равенство. На таких вот диаметрально противоположных началах развивались и крепки: на севере — Московское государство, на юге — Казахские республики.

В этой разнице жизненных основ и заключалась та первопричина, которая привела к столкновению Московского царства с Казачеством. И чем дальше продвигались на юг владения Москвы, тем неизбежнее были эти столкновения. Особенно пугала Москву та „зараза“ вольной жизни, которую несли казаки в крепостную Русь. Опасно было там сознание, что ведь возможна же иная жизнь, что и при свободе не гибнет народ, а, наоборот, процветает. С такой свободой на юге Москва мириться не могла, ибо она являлась грозой всему существующему у нее строю. Она решает подчинить себе юг, а вместе с ним и Казачество.

Но с надвигающейся угрозой казаки помириться не могли. Из их среды выходят такие борцы за свободные начала, как Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев и др.

Эти люди несли северу освобождение, свое казацье устройство; север же навязывал югу деспотию и рабство, в виде крепостного права...

Жестоки были схватки этих двух противоположных миров. Начались они давно.

Еще Борис Годунов запретил казакам въезд в московские пределы, грозил казнить их, объявил им экономическую блокаду, а на Дону построил против них крепость Царев — Борисов. Когда на Руси после тира-

нического царствования Ивана Грозного произошла Великая Слута, казаки стали на сторону Димитрия. Они решили бороться с той силой, которая шла против них, решили мстить за блокаду, за крепость, за виселицы.

При Алексее Михайловиче в Московии наступило религиозное гонение, произошло прикрепление крестьян.

Степан Разин поднял восстание и пошел освобождать крестьян, насаждать на Руси казачье устройство. Москва победила. Разин был казнен.

В Москве на престол вступил Петр. При нем особенно сильно проявилось желание новой империи неограниченно господствовать над всеми покоренными народами юга, захватить как можно больше все новых и новых пространств земли.

Начались бесконечные войны. Потребовались огромные средства, появились непосильные налоги, подати. Разорился и народ и все государство. Москва стала искать выхода к морю и двинулась к устьям Дона, к Азову. Захватив эту крепость, Петр решил подчинить и казаков, и вмешался во всю их жизнь, как вмешался и в жизнь всего юга.

Только что покоренные, только что лишенные ветоков своих традиций и порядков, казаки не могли примириться с порядками Москвы и на насилия Петра ответили насилием же. Волна жестоких восстаний прокатилась с востока на запад. Началась она в Башкирии, перекатила Астрахань, Дон и кончилась на Украине и у Запорожских казаков. Все эти восстания вспыхнули почти что одновременно. Это указывает на общность их причин.

С. Соловьев говорит: „Завоевания России на востоке по Волге, Каме... были быстры, но побежденные дикари (?) равнодушно сносили русское подданство и возмущались при первом удобном случае“ *).

Это подданство довело, напр., башкирский народ до отчаяния и он в 1705 г. восстал.

„Забунтовалась вся Башкирия“... К восставшим пристали татары, мещеряки и др. инородцы, „которые в ярости своей предавали все огню и мечу“ (Деяния П. В. т. II, стр. 167).

Восстание продолжалось три года. Петр решил покончить дело миром и послал к Башкирам для этой цели особую делегацию. На вопрос ее о том, „для чего они, воры, великому государю изменили“, башкиры ответили: „Мы напредь сего к великому государю посылали челобитчиков о своих нуждах и те наши челобитчики были переиманы и биты кнутом, а иные перевешаны и отповеди им никакия не učinино“.

Вот ответ Петра, повелителя Московского государства, на жалобы измученного народа. Не трудно представить, как же поступали с инородцами воеводы и чиновники. Не мудрено, что они восстали и стали в „яро-сти своей предавать все огню и мечу“.

*) Настоящая статья есть краткое извлечение из исследования того же автора и того же названия.

*) Истор. Рос. т. III. стр. 233.

В конце концов восстание было подавлено при помощи калмыков хана Аюки, кочевавших по левому берегу Волги.

В том же 1705 году вспыхнул Астраханский бунт. Он был делом уже почти исключительно русских людей, не перенесших податей, налогов, религиозных гонений, неправды и произвола чиновников. Астраханцы надеялись на помощь казаков. Одним из вождей восстания был поставлен Донской казак. Но эти надежды не оправдались. Движение было подавлено. И помогли подавить его Донские казаки.

Украина также „изменила“ Петру. Она всего только каких нибудь пятьдесят слишком лет как добровольно соединилась с Москвой, уйдя из состава Польского государства. За это короткое время ни Московское государство не сумело „освоить“ Украины, ни Украина не смогла примириться с порядками Москвы. То, от чего раньше уходила Украина, она нашла и в Москве, но в еще более жестокой форме.

На Украине был построен ряд крепостей и в них поставлены великорусские гарнизоны, под которыми, по выражению гетмана Мазепы, „казаки не могли поднять головы“, а при нем самом состояло несколько тысяч войска великорусского „бодрым оком смотрящее на все его поступки“. Глава Украинского народа был таким образом как бы в плену у русского царя.

В каком положении находилась Украина, видно из следующих жалоб полковников Гетману: „Пристава у крепостных строений (Киев) казаков палками по головам бьют, уши штангами отсекают. Казаки оставили свои дома, сенокосы и житницы... а там великорусские люди дома их грабят, разоряют, палят, жен и дочерей насилуют, коней, скотину и всякие пожитки забирают, старшину бьют смертельными боями“^{*)}. Такой ужасающей кабалы не мог снести Украинский народ и его Гетман. Надо было искать выход.

Тяжело приходилось и вольным Запорожским казакам. Петр решил и на них наложить свою тяжелую руку и их подчинить своей воле. Чтобы легче это было сделать, он построил на их земле ряд крепостей и поставил в них свои гарнизоны. Загорелась жестокая борьба. Запорожцы стали ждать удобного момента, чтобы сбросить надвигающееся иго. Момент этот настал.

В пределы Московского государства вторгся воинственный Карл XII, король шведский.

Мазепа решил воспользоваться этим для освобождения Украины от Москвы и перешел на сторону Карла. К нему примкнули Запорожские казаки.

Задача эта не удалась. Карл был разбит, Украина навсегда подчинена Москве, Запорожская Сечь разрушена до основания. Помогли это сделать, к сожалению, Донские казаки и часть самих же Запорожских казаков, оставшихся верными Петру.

Выше уже говорилось, что Донское Войско было самостоятельным и независимым государством.

Во главе его, как сказано, стоял Войсковой Круг. Круг избирал Атамана и старшин и разрешал все вопросы на текущий год. Он имел право объявлять войну, заключать мир, был верховным судьей и законодателем. Над ним не было никакой другой власти и силы.

На Дону не было в то время лучших и худших. Все были равны и свободны; ни господ, ни рабов. Каждый казак имел право голоса и каждый мог влиять на решения Круга. Каждый казак мог продвинуться до любых постов и командных должностей. При этом не имело никакого значения ни происхождение, ни богатство. Значение имели только личные качества. Вот откуда вытекала та бесконечная любовь и преданность казаков Дону. Казаки гордились тем, что они свободны, равны и независимы.

Каждый житель Дона мог исповедывать какую угодно религию, поклоняться какому угодно Богу. В этом отношении никто никаких указаний и, тем более, насилия не делал. В личную жизнь казака никто не вмешивался.

^{*)} С. Соловьев, Ист. Рос. т. III, стр. 295.

Дон мыслился тогда, не только казаками, но и самым московским царем, как нечто совершенно обособленное, отдельное. Казаки в своих отписках Москве говорили: „у вас на Руси“, „у нас на Дону“. 20-го октября 1701 года они пишут: „Приходят воровски кубанские татары и калмыки под твои великого государя городки и под наши.“

Московских людей и сам Петр называет „русскими людьми“ в отличие от казаков.

Но вот, Петр, во имя великороссийских интересов, решает подчинить себе Дон и уничтожить все то, что любили казаки, чем жили и чем гордились, уничтожить их святое святых: свободу, равенство и независимость.

Он решил сам стать хозяином на Дону и неограниченным повелителем Казачества. Он не знал, а если и знал, то не посчитался с тем, что психику человеческую нельзя изменить вдруг по чьему то решению, хотя бы это и был неограниченный монарх. Можно человека заковать в цепи, но душу его изменить нельзя. А Петр решил это сделать.

Правда, он видел, что взятая им на себя задача не легка, и говорил: „Сия сарынь кроме жесточи ничем иным унята быть не может“. Он ничего кроме этой жесточи и придумать не мог; ничего, кроме крови, для подчинения народа не знал.

Покорив Азов, Петр включил Донское Войско в состав Московского государства, а затем и Азовской губернии. Во многих отношениях Дон был подчинен азовскому губернатору. Он, между прочим, „заменил собою Войско Донское в сношениях с окрестными народами“ (С. Сватиков Р. и Д. стр. 111). У Дона было отнято право внешних сношений. Казаки могли списываться с соседями только через азовского губернатора, послов посылать к ним могли тоже только через него (1703 г.).

Значение Дона было, таким образом, подорвано. В том же 1703 году Петр повелел казакам во время войны подчиняться тому же азовскому губернатору.

Конечно, дотоле самостоятельное Казачество не могло не быть оскорблено и унижено. Это был первый и жестокий удар. Казаки почувствовали, какая страшная угроза нависла над ними.

А Петр шел все дальше и дальше.

Он вмешался уже во внутреннюю жизнь Дона и стал распоряжаться там по своему. Он потребовал, чтобы казаки строили себе городки только по его личному указу. Казаки перестали быть хозяевами своей Земли и не имели уже права на своей же земле селиться там, где хотели, где выгодно, где удобно.

Петр категорически потребовал, чтобы Войско свело своих казаков с Хопра, Медведицы и Бузулука и поселило их на правом, Крымском берегу Дона. Левый берег этой реки он также велел очистить. А в то же время сам приказал разбить новый город в центре Войска — в устьях р. Иловли, населить его русскими людьми и поставить там свой гарнизон. Из-за этих распоряжений началась долгая переписка Войска с Москвой. Петр приказал наслать казаков по дорогам из Валуек до Азова и Таганрога и устроить там почту. Эти города стали быстро заселяться русскими людьми. В них поставлены были значительные русские гарнизоны.

Петр принял самые решительные меры к тому, чтобы отодвинуть казаков возможно дальше от берега Азовского моря. Они сотни лет воевали из-за этого берега с турками. А теперь твердо ногою стал на ней русский царь и тоже не пожелал допустить до него казаков. Он хотел владеть им нераздельно. Он, не только строил там города, укреплял, наслал русскими людьми, ставил русские гарнизоны, но и поселил между Азовом и Черкасском пришедших из-за Волги калмыков, с которыми у казаков велась тогда ожесточеннейшая борьба. Калмыки вели непрерывные набеги на Дон. Казаки отвечали тем же. Но Петр, боясь как бы калмыки не ушли снова за Волгу, потребовал от казаков прекратить борьбу с ними. Мало этого, он требовал, чтобы казаки не наказывали даже тех калмыков, которых ловили в воровстве.

В своей отписке казаки пишут: „В указах писано, что если калмыки или солдаты азовские явятся в Чер-

касском и их имать не велено, а хотя и своруют и за воровство наказания им не чинить“.

Дон был поставлен в затруднительное положение. В той же отписке казаки восклицают: „И впредь как нам быть не ведаем... только разве от них, калмыков, разбредистись нам врозь“ *).

Но калмыки все таки ушли за Волгу. Осталась лишь та часть их, которая впоследствии стала казаками.

Море же, к которому казаки стремились, так и не было им дано, а оно для них было жизненно необходимо.

В те времена казаки земледелием не занимались, а добывали средства исключительно войной, охотой да рыбной ловлей. Море давало им и военную добычу и богатейший рыбный улов. Источник этот у казаков был отнят. Петр также закрыл им выход и на Волгу, а, вместе с этим, и в Каспийское море.

Для этой цели была построена крепость Дмитриевск в устьях р. Камышинки и приказано строить город в устье р. Иловли. Для этого же Петр потребовал удаления казаков с Хопра, Медведицы и Бузулука.

Положение еще больше ухудшилось после того, как Петр приказал прекратить борьбу не только с калмыками, но и со всеми татарскими ордами. Казаки в своей отписке пишут: „Непрестанно они кубанцы (татары) под наши городки ходят... на перевозках казаков живьем в полон берут в смерть побивают и не малое разорение чинят. А мы... все то терпим и без твоего указа войной под их жилища не ходим“ **). Выходом в море и на Волгу, запрещением вести войну с соседями, была прекращена военная добыча. Хлеба своего не было. Экономическое положение создалось угрожающее. Дон должен был искать выхода, ему нужно было, либо рвать все пути Петра, не подчиниться его воле, либо попадать в экономическую зависимость от Москвы. Дон пошел до поры, до времени по второму пути. Москва это поняла и стала нажимать все крепче и крепче. Вслед за экономической зависимостью пришла и политическая, и военная. Дон претерпел великие обиды,

*) 25 апреля 1703 г. Дон. кн. № 19 Посольск. прик.)

**) Пос. пр. Дон. кн. № 20.

терпел и вмешательство Петра во все стороны их жизни. Стесняться он перестал.

Петр отнял у них далее богатейшие земли по р. Бахмуту и отдал слободскому изюмскому полку. Особенно ценна была там соль. Началась жестокая борьба. То Донцы нападали на изюмцев, то изюмцы на Донцов. Петр стал на сторону слобожан и особым указом отдал им все спорные земли. Этим актом он купил себе на границах Дона верных людей. Впоследствии они очень помогли ему в борьбе с казаками.

Борьба за Бахмут продолжалась. В период этой борьбы и вышел на сцену Кондратий Афанасьевич Булавин, казак Трехизбянской станицы, избранный Атаманом Бахмутского городка.

В октябре 1705 года он разорил варницы слободских полков, а в июне 1706 года арестовал дьяка Горчакова, присланного Москвой для разбора споров и поддержал его под арестом до получения ответа от Войска. Булавин полагал, что распоряжаться в Казачьей Земле могут только казаки и никто больше. Войско стало на сторону Булавина. Горчаков вынужден был покинуть Бахмут.

Но самой тяжелой обидой для Дона было запрещение принимать беглых. Право убежища существовало на Дону с давних пор и освещалось веками казачьей истории. Долгое время Москва мирилась с этим правом, ибо не имела сил бороться с ним. После 1670 года она стала настаивать на выдаче беглых, а при Петре уже посылались на Дон особые сыщики для сыска беглых.

В 1705 году Петр особым указом потребовал от казаков: „Беглецов и никаких пришлых людей ни откуда не принимать“. Одним требованием он не ограничился. Дон рассматривался им уже как часть Московского государства, в которой он может делать все, что ему вздумается, поэтому в том же указе он добавляет: „За укрывательство таких беглецов казаки будут сосланы вечно на каторги, а пущие заводчики без жалости казнены будут“.

Такой указ возмутил казаков. Наказывать их мог только Войсковой Круг, только все Казачество и никто больше. Казакам трудно было снести эту обиду. А Петр пошел еще дальше. В августе 1707 года он послал на Дон вооруженную силу для сыска беглых. Дон восстал.

Медарь Сем.

Переселення Чорноморців на Кубань.

II.

Військо вірних козаків Коша Чорноморського.

1. Перші „вірні“ козаки. Негайно-ж, по зруйнуванню Січі, російський уряд взявся рішучо за широку колонізацію запорожських земель. Набігли поміщики, які переселявали сюди своїх кріпаків, переважно з України; йшло переселення і з Великої Росії, і з інших країн імперії; закликалися і чужинці переселенці, всім їм давалися різні „льоти“ і запорожське добро. А самі запорожці, з тих що позалишалися на рідних степах, мало того, що втратили своє добро, але втратили ще і волю. Богато їх усякими кривдами та неправдами було позакріпльовано за новими господарями і поволі обернено на кріпаків.

„Новоросійський Край“ було властиво дітище Потемкіна і він, по зруйнуванню Січі, прикладав усі зусилля, щоби піднести економічне значіння бувшого Запорозжя і залюднити його. Але все йшло дуже поволі і багато з широким замірів „світлішого“ так і лишилося не здійсненим.

Швидко об'явилися (для російського уряду) наслідки завчасного скасування Січі і Потемкин побачив, що треба знов запобігати перед бувшими запорожцями, степи яких продовжували в кінці XVIII в. стояти в першій своїй красі.

Потемкин ще 31-го травня (мая) р. 1774 був призначений цариним наказом Новоросійським „генерал-губер-

натором і войск там поселених головним командиром“. Отже і не дивно, що він по зруйнуванню Січі взявся негайно так ретельно виконувати свої плани. Однак заманювання Потемкіна і маніфести цариці до турецьких запорожців, що закликали їх до повернення не давали наслідків, — козаки добре знали як „сладко“ жилося їхнім же братам „під царицею“ і не йшли на піддурювання, цілком справедливо чекаючи, що їм будуть „лоб голити“ у московську регулярну армію.

Запорожці знову були потрібні Росії, як військовий матеріал. Російська армія сама тяжко могла оперувати проти непокірних татар, — в 1739 р. Мініх писав до австр. головнокомандуючого (чеха) кн. Лобковича: „но что наиболее утруджало войска наши, что по претерпении военных трудов должны были держать кордон более нежели триста миль немецких протяжения для отражения ежегодных татарских набегов“... Але тепер справа була далеко гірша — Запорожжя не було.

Незабаром по зруйнуванню Січі у Криму виник бунт і російським військам прийшлося дуже тяжко усміряти його.

Головнокомандуючий, гр. Румянцев-Задунайський, писав 14-го листопаду (ноября) (р. 1777-го кн. Репнину: „татары не только не покоряются, но и озабачивают нашего в Крыму полководца и изнуряют войска“. Про це він

писав і голові Ради міністрів, графу Панину, кажучи, що військо „изнурено до крайности. Всего досаднее, что из всего военного искусства не взыскиваются и образы, как против татар войну вести“ (бо ця штука була відома лише козакам). Ось чому він мріяв про те, що „исключительно 2000 донских казаков“ могли б допомогти; так саме писав він і Потемкину: „Не находится и образа во всем военном искусстве, каковым бы привести себя от татар в некоторое безопасное положение, разве двумя тысячами донских казаков“, але „не от меня сие войско зависит“.

Початком 1778 р. прибули донці до генерала Прозоровського, одного з катів Січі.

Оскільки російський уряд був стурбований, свідчить те, що донському командіру полк. Денисову „Ея И. В-во при отпуске его в сию экспедицию изустно повелевать изволила: стараться всех до последнего младенца истреблять, а прочих брать в полон, которых она жалует донцам в нагребение трудов“. Цариця також наказала вилюднювати Крим виводом звідти християн, бажаючи взяти його „в вечное подданство“. Прозоровський запитував Румянцева: що ж йому робити? Бо по інструкції він підтримував російського претендента хана Шагин-Гирея, якому пізніше був „пожалований“ патент на чин „Л. Гв. Преображенского полку от бомбардир капитан-поручика“, чин дуже високий, бо сам Потемкин був лише підполковником.

В решті, Потемкину не лишилося нічого іншого, як на свою відповідальність, почати гуртовати навколо себе рештки запорожців, з якими він тримав стало зв'язки. Особливо його симпатією користувалися Харько (Харитон) Чепіга (в р. 1787 вже капітан), Антін Головатий та Сидір Білий. Р. 1783-го останні два були встановлені начальниками над зібраними до Херсону біля тисячі душ запорожцями, а ще через рік Білий навіть їздив у Задунайський Кіш закликати емігрантів-запорожців до повороту на російський бік. Росіяне добре розуміли як не користо для них було мати козаків на турецькому боці, коли знов наближувалася війна; ще р. 1779-го вони вимагали від султана видачі запорожців, як втікачів — „изменников Престола“, але той відмовив.

Користуючися нагодою, Білий подав прохання, щоб визволити поневолених поміщиками запорожців, принаймні щоби їм можна було хоч перейти у казенні селяне. Лише в двох повітах, у 116 панів, було поневолено 5900 запорожців та 3650 б. їх „підданців“. З цього правда, нічого не вийшло, але Катерина, 6-го квітня (апреля) 1784 р., дала згоду на відновлення Війська, з новою організацією, як у донців. І це вже був великий крок. Задунайці нічого б і не мали проти повороту, лише ставили умови — поворот клейнодів і всіх „Вольностей“, ну а на це ні Потемкин, ні Катерина не мали бажання.

Білий зі старшиною скористалися з нагоди, коли Катерина проїздила запорожськими землями і „заробили“ в неї більше „ласки“, та в решті не стільки сама цариця вороже ставилася до козаків, скільки її фаворити та сенатори. Ці були запеклими ворогами козаків; тай козацькі події на Дону і Уралі в р. 1773-1775 перелякали царицю. Там ширилася Пугачівщина, а донський „герцог“, отаман Степан Ефремов, в цей час самовольно підновив мури Черкаську... Тяжко було зрозуміти на що тоді донці ризикнуть, бо три б'рди тісно зв'язували своє існування з існуванням „донских народів“, як писав їх султан до гр. Паніна. От же не дивно, що р. 1775 зруйнували „підозріле“ Запорожжя, на Яіку з гармат розстріляли непокірну козацьку раду „Войскової Круг“, а донського „герцога“ закували в кайдани і заслали в Естонію.

В наслідок заходів у цариці, козацких і своїх, Потемкин видав 12-го жовтня р. 1787-го ордер, яким оголошувалося, що з приводу розриву з турками, капітан Чепіга має збирати „волонтерів“ из свободних людей. Близькі до Чепіги люди розіхалися збирати б. Запорожців у кінні і піші волонтери, по всьому краєві по ордерах за підписом самого „капітана Харитона Чепіги“. Потемкин проголосив по всіх запорожських землях про збір запорожців на „козацьку“ службу. Отаманові цього „Войска верных казаков“ С. Білому відпу-

стили зброї і гармат, вимагаючи, щоб козаки були „люди хорошие, к войне склонные и умеющие стрелять“. Потемкин хотів сам зробити їм „смотр“. Чепіга, як „знак данного начальства“, 26-го січня (января) р. 1788-го одержав булаву і пернач полковника. З ними і їздив він потім за Дунай намовляти козацтво.

До „вірного“ війська з усіх боків збиралося потроху козацтво: піші — у Прогноях до Білого, кінні — у Чичаклеї до Чепіги.

2. Устрій чорноморців. У грудні 1787 р. козаки, з наказу Суворова, перейшли у Васильково, заклали там Кіш, заснували 38 курінів і придали Війську Січовий устрій „як од віку водилося в Запорожському Війську“. Обирали С. Білого за Кошового, Головатого за суддю, а Підлисецького Івана — писарем.

Суворов навіть писав в своїх ордерах „Кошу верного Запорожского войска“, але Потемкин уникав слова „Запорожський“, та й Катерина II писала йому 22-го лютого р. 1788, щоб цієї назви не вживати, бо це робило вражіння про відновлення Січі та йшло і всупереч з маніфестом про знищення цього імені „на віки вічні“.

Через Суворова ж, при ордері 27-го лютого № 314, були надіслані і нові клейноди та велике біле Військове знамя, малі курінні значки, булава кошовому та перначі. Запорожці радо увітали їх, бо бачили в клейнодах відзнаки відновлення Запорожжя.

Звістка про повернення клейнодів притягла і де-яких задунайських запорожців, яких на весну прибуло з 1000 душ. В цей час Військо було вже упорядковане; воно одержувало утримання від казни і мало свою похідну церкву. Просилися до Кошу і ті козаки, які були „в угнетении“ у поміщиків, затримуваних їх „жен, детей и именья“. Поміщики робили великі насильства, затримували козаків, не допомагали і ордера Потемкина, який сам звільнив з кріпацтва усіх бувших в його землях запорожців.

13-го травня 1787 р. Потемкин надіслав і Військову печатку, яка грала величезну роль в правних актах кошового правління.

Військо „вірних козаків“ прийняло жваву участь у всіх операціях російських військ проти турків і швидко вкрило себе недосяжною славою своїх старих предків.

17-го червня Військо понесло втрату — кошовий Сидір Білий був поранений і через два дні вмер; на місце його, виданням 3-го липня „открытым листом“ Потемкин „определил“ Секунд-майора Чепігу „Войсковым Атаманом“. Кіш в ордерах князя іменується вже „войском верных казаков Черноморских“.

В боях на морі та на Дунаї чорноморці не раз стикались з задунайськими запорожцями, які виставили 4000-не військо на турецькому боці. Козаки „браталися“ поміж собою і навіть, під час війни, кошовий Чепіга їздив до Задунайців, на турецький бік, в Аджеяси, намовляючи їх до переходу на російський бік.

Кіш зростає — до осені у Війську Чорноморському вже було 5000 піших та 2000 кінних козаків.

Поки була війна, запорожців милували і поважали, але як лише вона закінчилася, ласка разом зникла. Козаки пухли з голоду на Березані, кінноту розпустили з Громоклії, куди хто хоче, бо там не було і шматка сіна, а генерал Хрущов наказав козакам вийти з Васильківського коша і передати його турецьким полонним. Зима р. 1788-80 далася у знаки чорноморцям і дехто з них навіть втік за Дунай. Коли потім Потемкин ще раз надіслав до Задунайців залик, зі старшиною Черновим, то вони зовсім навіть не відгукнулися, бо знали і про важкі роботи, про брак харчів, про не виплату жалування. Справді, хоч сам Потемкин і добре піклувався про козаків, але інші генерали всяким чином утискували козаків і приневолювали їх на тяжкій праці, від яких козацтво розбіглося.

В осені навіть у самому Кошу виник заколот. Козаки почаржилися Чепізі на Головатого, а коли той нічого не зробив, то вирішили скинути з отаманства і Чепігу, доводячи Потемкинові, що він вже є застарілий для керування. Навіть погрожували, що подадуться за Дунай; частина їх таки й пішла туди. В решті, чорноморців заспокоїли, пообіцявши їм нові землі і козаки почали виводити свої родини і, з дозволу Потемкина,

осідати на знов „завойованих“ землях поміж Бугом та Дністром, які належали недовго перед тим задунайським запорожцям.

3. Чорноморці на Слободзеї. Чепіга закла Кіш у с. Слободзеї над Дністром, 20 верст нище м. Бендер, відомого запорожцям з часів гетманування Орлика. Чорноморці там тримали кордонну охорону по Дністру.

Намічені для поселення землі не задовольняли чорноморців і вони ще з серпня (августа) 1789 р. почали складати приговори, щоби Війську була надано „впусте лежащей всей Кубаньской стороны еще и на сей стороне Азовского моря Перекопскую степь, зачав от устья Бердянска по Перекопскую линию, а от оной по Кинбурн, а от Кинбурна берег Лиманский и от правой до устья Конской... и вверх по оной до вершины Бердянской и там вниз по Бердянке“... Иначе кажучи, крім Кубани, — цілий терен б. Херсонської губернії і північну Таврію.

Чорноморці рахували цілком справедливими свої претензії на ці землі і, як писав Головатий разом з приговором, з о. Березані, в імені піхоти бувшої при флотилії, кошовому Чепізі: „всегда готовы проливать кровь за веру, отечество и вольность, которую заслужить положили с помощью Бога“.

26-го лютого р. 1790-го Потемкин оголосив універсалом здійснення давньої своєї мрії: він був призначений „Великим Гетманом Императорских казацких войск Черноморских и Екатеринославских“. Затвердивши першим ділом Чепігу і Головатого на їх посадах, він почав проказувати дальніши „милости“ Чорноморцям. 1-го березня сповістив кошового, що він клопочеться про наділення Війську земель поміж Бугом, Дністром та Чорним морем; 19-го квітня він написав вже ордер, що клопоти його увінчалися успіхом, а 14-го липня генерал Кутузов оголосив всім мешканцям нижче лінії м. Бендери — усть р. Інгула, що вони віддаються під владу Війська Чорноморського. Кіш перебрав землі до свого управління і розбив їх на три паланки: Кінбурську, Березанську та Підністриянську, а у м. Слободзеї почав будувати церкву та будови військового управління. Чорноморці заняли ті самі землі, на яких осіли „під турком“ запорожці в 1776 р. після зруйнування Січі (лише потім, на вимогу російського уряду, вони були посунені на Дунай). Козаки почали зараз же широко заселяти ці землі.

Братерські зносини дунайських запорожців с чорноморцями не переривалися цілий час, навіть і під час війни, хоч іноді бували і сутички.

28-го червня р. 1791-го скінчилися бої за Дунаєм, а через три дні був заключений договір, по якому Дністер ставав границею поміж Портою та Росією. Тепер чорноморцям настав час упорядкувати свої землі, але їх охоронець Потемкин вмер 5-го жовтня р. 1791-го і перед Військом знов повстала небезпека захвату земель

росіянами. На землі ще не було царської грамоти і була небезпека обернення Війська у регулярне російське, про що урядовці та генерали гомоніли, і в жарт з посміхом, і справді.

Збентежене Військо, маючи за собою вже сумні приклади в минулому, надіслало до цариці делегацію з шости старшин, з Головатим на чолі, просити грамоти на володіння. Старшина вже просила дати грамоту хоч би на одну Тамань з околицею, не думаючи вдержатися у Слободзеї і бажаючи тільки найбільше кубанських земель.

Землі ж між Бугом та Дністром не дуже і приваблювали козаків: з освоєнням їх і встановленням Військової влади було багато клопіт. Корінні мешканці, що повтікали під час війни, поверталися назад на своє господарство. Вони не хотіли визнавати влади і присуду Війська і діло доходило до озброєнних виступів і цілої партізанської війни.

Царський уряд взагалі був щедрим на чуже добро: брав у одних і наділяв тим других, але козаки почували несправедливість такого володіння і радійше готові були йти на далекі, але вільні землі.

29-го лютого р. 1792-го Військо склало прохання до цариці, яке повів Головатий, а рівночасно на Тамань виїхав полковник Гулик з півсотнею товариства оглянути обіцані землі. Військо хвилювалося не даремно. 20-го лютого був виданий царський наказ, що землі поміж Бугом та Дністром прилучаються до Катеринославської губернії. Чорноморці довідалися про це в квітні і були страшенно обурені: вони справедливо чекали повторення історії 1775-го і пізніших років. Козаки почали лагодитися до втечі військом, а де хто почав і втікати за Дунай.

Проте, Головатому вдалося 1-го квітня бути представленим цариці. Через три місяці чекання та клопот, 30-го червня був виданий указ, по якому Війську Чорноморському жалувалося у „вечное владение“ „остров Фанагорни“ с землями по морю до р. Еи и по Кубани до Усть-Лаби — половина того, що хотіло Військо в інструкції писаній Головатому, але й це було добре, — могло статися і гірше.

Вже 2-го липня цариця видала наказ, щоб Військова флотилія готовилася до переїзду на Тамань, а 15-го серпня Головатого урочисто зустрічали у Слободзеї: він привіз грамоти на землі і на поворот затриманого на Запорожжю „имения“. Війську пожалували нові клейноди і дозволили користуватися старими.

Військо почало негайно готуватися до переїзду: Сава Білий — морем, з флотилією у 50 байдаків та 1 яхту, а Чепіга — з кіннотою, сухоходом. Найтяжче завдання досталося Головатому: підняти жонатих козаків з родинами і перевезти їх на Кубань, бо треба було руйнувати вже налагоджене господарство, продавати, а то і так кидати те, що не легко було перевозити у новий, далекий край.

Василий Вазагов.

Три предпосылки к свободе горцев С.-Кавказа.

I.

Принцип свободы и государственной независимости малых народов, с развитием международного правосознания, превращается из абстрактной идеи в реальную основу современного мирового порядка. Учение об экономической основе в международных отношениях и замена истории народов историей экономических отношений получает в последнее время серьезного конкурента. Право народов на национальную независимость и свободу становится понемногу верховным и руководящим стимулом современного прогресса; оно является сейчас важным фактором всякой международной политики. Принцип национального раскрепощения превращается в право современных больших и малых народов.

Начиная с 15 и 16 в.в., через просветительную и революционную философию 18 в., пробивается на свет

идея независимости малых народов и, в грозе Великой Французской революции, получает свое реальное выражение в декларации прав малых наций. Великая война, а за ней Версальский договор и Лига Наций, в основу мирного соглашения кладут принцип освобождения угнетенных народов. Наконец, международное право и современная политика, теоретически по крайней мере, признали принцип равноправия всех народов и отвергли таким образом легенду об исторических и неисторических, о призванных и непризванных нациях. Англия, стоявшая всегда, в отношении права, во главе цивилизованного мира, та Англия, которую некоторые называли (Вл. Соловьев) международным грабителем и, которая всегда себя почитала в качестве высшей расы, призванной к культуртрегерской деятельности, к настоящему времени силой объективного развития истории принуждена подчиниться провозглашенным принципам и общес-

человеческой морали. В Англии, вместо авторитарного и централизованного господства Лондонского парламента, уже с половины 19 в. утверждается принцип самоопределения составных частей Британской империи. После великой войны английские доминионы превращаются в самостоятельных субъектов международных отношений. Юридическая квалификация Великобритании получает уже характер союза государств. В 1924 г. делегаты бывших английских „колоний“ превращаются в дипломатических представителей самостоятельных государств, которые выступают впредь в международном общении (в Лиге Наций) в качестве независимых субъектов.

Таким образом, мы видим, что современная мировая политика и международные отношения во многом строятся на праве малых наций на свободу и независимость.

Не в оправдание политиков-носителей идеи независимости приведены эти сведения, а — в поучение политиков устаревшей формации, — к сведению тех, кто еще ослеплен ложным шовинизмом, мечтающих еще о великодержавности, о мессиянстве того или другого народа или государства. Но особенно эти сведения полезны к усвоению некоторыми русскими шовинистами всех категорий, мечтающих свое благополучие построить на угнетении слабых народностей.

Никакие доводы экономические, политические, стратегические, географические и пр. пр., не могут умалить целесообразности свободной и равноправной сожительства больших и малых наций.

Человек прежде всего существо моральное, потом уже экономическое (физиологическое), военное, географическое и пр. и, как таковой, входит в духовное единство, в личность нации, живущей национальной, т. е. духовной, жизнью. Поэтому угнетается народ прежде всего национально, т. е. морально, а что чувствительнее угнетения экономического или политического. И человечество недаром провозгласило право малых наций на национальное существование, на свободу вывить свою духовную сущность. Очевидно, что это право есть венец международного правопорядка и солидарности. И никакими стратегическими, экономическими соображениями не в праве руководиться государство или народ, если на пути этих интересов стоит общечеловеческий идеал в виде права на невмешательство и независимость наций.

Эта первая и основная международная правда получила свое признание в вправе международном в качестве основной предпосылки к праву на освобождение поработенных народов, как во всех странах, так и в России.

Мартовская революция провозгласила те же принципы. Плотины старого режима разрушены, и народы б. России, в том числе и горцы С.-К., получили возможность к своему освобождению.

Идти в наше время против течения руководящих принципов, значит, не отдавая себе отчета, иллюстрировать перед миром отсутствие своего культурного правосознания, т. е. совершать преступление перед международной совестью.

В этом отношении политика русского государственного права, в отношении малых народов России населяющих, идет в разрез с принципами современного международного права.

Некоторые русские националисты проводят аналогию между политикой Великобритании к подвластным народам и такой же политикой России к туземцам. В данном случае, такая аналогия ошибочна, ибо сорока-миллионный английский народ фактически приобщил к своей культуре свыше 400 миллионов населения и, действительно, подготовив культурную почву, предоставил им возможность к государственному самоопределению, а в последнее время совершенно отказался от государственной опеки над освобожденными народами. Россия покорила и господствовала над малыми народами, в большинстве количественно незначительными, и не только не приобщила их к культуре, но своей политикой заселения, переселения, поставила народы в такие условия, что действительного культурного восприятия не

могло и произойти, не говоря уже о полном экономическом, земельном и правовом их бесправии.

Что касается горцев С.-Кавказа, то можно утвердительно сказать, что они приобрели только все дурное, потеряв многое из своего хорошего.

Каковы же результаты русской государственной практики и русского культурного влияния на горцев? Какие положительные ценности приобрели народы С.-Кавказа в результате вековой политики руссификации?

Политику руссификации С.-Кавказского края осуществляла русская администрация. Институт ссылки на окраины неугодных чинов административного ведомства давал там кадры правительственных чиновников с весьма низким нравственным уровнем. Произвольная и бесконтрольная деятельность администрации на окраинах протекала с молчаливого согласия свыше. Превышение своих полномочий, при общей ненависти ко всему туземному, оскорбляло национальные чувства горцев, вызывая в них враждебное отношение ко всему русскому.

Насильственное отнятие исторических горских земель и их планомерное заселение русскими крестьянами, немцами, армянами и болгарями, отнятие в казну лесов, рек и др. богатств, поставило горца в невыносимые хозяйственно-экономические условия, вследствие чего получает развитие абречество.

В административном порядке строились церкви и церковноприходские школы для православных и мусульман и население обязано было их содержать на свой счет. Эти школы никаких результатов не дали, ибо в них обнаруживалась взаимная неприязнь пришельцев и аборигенов и своей постановкой обучения они, эти школы, обнаруживали политику унижения национального быта, адата и чести свободолюбивых горцев. Чувства рабского подчинения незнакомы горцу, а потому административная „опека“ и „просвещение“ вызывали у горца по отношению к „просветителям“ чувства презрения и негодования.

Нормы обычного горского права (адат) известные науке права, как образец культурного обычно-правового творчества горцев, были в судейской практике в пренебрежении, в противовес обычному русскому крестьянскому праву. Суд короны (без присяжных заседателей) и административное усмотрение вершили правовую жизнь горского населения. Тенденциозность судебного разбирательства, чрезмерно строгие судебные решения по принципу пресечения и предупреждения наказуемых деяний, создавали у горцев недоверие и отрицательное отношение к русскому правосудию.

Демократизм, свойственный природе горца, выражавшийся в обычаях и традициях, определявших весь характер и уклад его жизни, подпадает под контроль и рекламу начальства. Даже некоторые обычные нормы семейного права нарушаются личным усмотрением власти. Так, вопрос о калыме, для некоторых аулов, был разрешен в 1910 г. начальником Терской области. Он не согласился на отмену этого института, т. к. его уничтожение ознаменовало бы культурное достижение. Ко всему этому, русская государственная практика проводила политику взаимной травли соседних народов и, тем самым, косвенно поощряла институт кровной мести, разбойничества и абречества, способствуя постепенному разорению края. Искусственно создавался антогонизм между казаками и горцами, державший эти народы в состоянии перманентной войны. Но, как объекты одной и той же политики, оба эти соседних народа, с течением времени, проникаются взаимным уважением, вырабатывают куначество, утверждают у себя некоторую общность обычаев и бытовых особенностей.

В результате мы видим, что ни русская азбука, ни язык, ни церковь, ни администрация, ни суд, ни вся насильственная культура ничего не дали народам Сев.-Кавказа. Русское влияние дало то, что легче всего воспринимается, а таковым всегда является все дурное, а взамен этого горцы потеряли некоторые материальные и духовные ценности. Источник горской законности — адат, расшатан, этические нормы общественной жизни, подвергшись влиянию русской политики — частично разложились.

Россия постепенно лишает горские народности их суверенности и приостанавливает культурное и историческое развитие этих народов. Но никакой народ не может навсегда примириться с своей национальной и политической смертью.

Проф. Ковалевский свидетельствует, что „пожар злости и ненависти у горцев к русским раздувается грубым и наглым отношением русской администрации к горцам; горец, сознавая необходимость и пользу, будет переносить от власти всякое давление, всякий гнет, если видит в этом смысл для себя, но, если этот гнет есть грубый произвол, выражение личного каприза, то, в этом случае, горец действует, как хищник“ (Сic!).

В течение почти девяти столет (с 1780 по 1864) горцы вели борьбу за свою свободу и независимость. Эта героическая борьба не имеет себе равной во всемирной истории. Эта борьба показала, что тут боролись не просто дикие племена, долженствующие покориться высшей культуре, а свидетельствовала непреклонную волю к свободе тех народов, за спинами которых текли века великих культур. Дикие племена, обыкновенно, склоняются перед авторитетом силы, горские народы не суть дикие, они хотят культурного и мирного процветания и требуют поэтому и соответствующего к себе отношения.

Но кто же такие горцы?*) Проф. М. А. Славинский говорит: „Горские народы принадлежат не к полудиким народам, как это говорят невежественные люди. Они потомки старых культурных народов, знавших столетия великого расцвета. Старая культура всегда сказывается, сказана она и на горских народах, которые, благодаря этому, примкнули к комплексу европейских народов.“

Известный писатель и публицист А. Цылыкаты в своей речи на юбилей по поводу 50-летия горского восстания говорит: „Если бы кто пожелал познакомиться с появившимися сотни лет тому назад трудами генуэзца Интериано и Иоанна Луккского, французов Шардена и Тавернье, голландца Стрюиса, немецкого подданного Олеария или ...с трудами вроде Рейнегса и таких ученых, как: Потоцкий, Палас или Клапрот... или англичанина Беля и поляка Ляпинского, — тот мог бы себе ясно представить, что в особенностях религиозного, общественного и юридического быта горцев Кавказа таятся напластования религиозно-юридических систем иранской, римской, византийской, армянской, грузинской — все они наложили печать на горский адат.“

Современной исторической науке удалось пролить свет на происхождение и исторический быт современных горцев — осетин и кабардинцев. В числе других горских народов, эти два народа получили более яркое историческое освещение, а потому приведем прежде всего некоторые данные из истории этих горцев. По мнению немецкого проф. археолога Винклера, Ефратская культура, — источник Греко-Римской и современной культуры, принадлежит Хеттской культуре и народу Хеттам или Хеттитам, т. е. предкам теперешних адигейцев или черкесам (кабардинцам).

Черкасы или Касаги (по осетински), смешавшись с славянским элементом и др., дали первоначальное этнографическое и военно-бытовое ядро казачьему народу.

Осетины, по мнению проф. Миллера, Ковалевского и многих др. ученых, наиболее всех арийских (европейских) народов сохранили чистоту языка и все признаки арийской группы народов. Некоторые исторические за-

гадки, по мнению ученых, находят свое разрешение в языке, быте и преданиях этого народа. Так, знаменательные слова „мэнэ“, „факел“, „фарес“, таинственно начертанные на стене во время пира царя Валтасара, находят свое объяснение в языке осетин. Загадочный случай со счастливой рубашкой Ассирийского царя Ассорхадона также теперь нашел свое освещение и смысл в осетинских преданиях.

История застает осетин (оссов, тин есть прибавка русская) на юге теперешней России. Осетины-скифы, осетины-алланы, времен готского нашествия, осетины азы или ясыссы времен Святослава. Часть осетин в потоке этнических приливов и отливов увлеклась на запад, часть ассимилировалась, а часть ушла на Кавказ и впоследствии была прижата к горам. Номенклатура рек: Дон, Днепр, Днестр, Дунай и пр. осетинского происхождения. Царем Алгузом, кавалерийскими походами на Эрзерум царя Сослана*) и нашествием орды Чингисхана завершается 1000-летняя история осетинского народа.

Все это нам говорит о былом могуществе Осетии и преходящности исторических судеб каждого народа.

В русском „военном лексиконе“ 19-го века читаем: „Алане (Alani) один из тех народов, которые участвовали в разрушении Зап. Римской империи. Они были происхождения скифского и Сарматского, жили по восточную сторону Днепра, в Южной России и разделялись на многие племена. За 40 лет до Р. Х. гунны оттеснили их до Меотийского моря (Азовское), некоторые зашли на Кавказ, где под своим именем были известны в Средние века (осетины).“ Не приводя всех перипетий судьбы этой группы алан-осетин, можно дальше читать в том же источнике: „в царствование Веспасиана, кавказские алане вторгались в Мидию и Армению, при чем Парфянский царь принужден был искать помощи у римлян. При имп. Гордиане, алане вошли в Македонию, в 406 г. перешли к Рейну и там присоединились к Галлам и др. народам и опустошили Галлию, в 409 г. под предводительством Ботако перешли в Испанию и поселились в Картагене и Лузитании. В 451 г. они являются союзниками Атиллы. В 464 г. они были разбиты в Италии близ Бергама зятем имп. Амфимия, при этом их начальник Биор был убит...“

Эти краткие исторические сведения были приведены для того, чтобы рассеять легенду о дикости кавказских племен, о неспособности их к самостоятельной жизни.

Наоборот, народ (хетты-черкасы), который дал первоначальное основание римской и следовательно современной культуре, не может почитаться в качестве нисшей расы, ибо в своей природе он изначально несет культурное начало многих веков.

Народ (оссы-алане-осетины), на языке которого, быть может, говорили все арийские народы, т. е. предки европейцев, народ, который когда-то чувствовал себя господином не только в Европе, но и в Азии, не может остаться в качестве угнетенного дикого племени.

Итак, историческая правда, несомненно, утверждает право старых горских народов на пробуждение и независимое существование, на выявление многовековых культурных залежей, заглушенных временно в природе горцев внешней силой. Это историческое право есть закон развития и, как таковой, является законом и предпосылкой к свободе и независимости народов С.-Кавказа.

*) В этом походе участвовало 40 тысяч регулярной конницы.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Шамба Бабинов,

Из истории Калмыцкого народа.

I.

О происхождении калмыков, об их историческом прошлом казаки, несмотря на двухвековое сожительство с калмыками, знают очень мало, или почти ничего не знают.

Мало того, в силу исторических и культурных условий, сами калмыки до недавнего времени имели смутное представление о своем историческом прошлом, пользуясь только сохранившимися в народной памяти историческими легендами, сказаниями, правда, довольно точно передававшими отдельные исторические эпизоды, облик и действия отдельных исторических личностей.

Исторических трудов о Калмыцком народе, стройного, связанного изложения его истории, основанного на изучении архивных документов, исторических специальных исследований не было. В русской исторической науке о калмыках почти ничего не говорилось, а редкие и дорогие труды ориенталистов монголо-калмыковедов были мало доступны для широкой массы.

Между тем, взаимное знакомство, духовное сближение казаков и калмыков, веками совместно живущих и в дальнейшем думающих и чающих жить вместе, общими усилиями строить и устраивать свою жизнь, свое бытие, — так необходимо, нужно.

Поэтому считаю нелишним попытаться дать некоторые исторические сведения о калмыках в пределах Юго-востока б. России, предпослав им в настоящей статье общие сведения о Калмыцком народе.

Происхождение калмыков столь же давнее, как и происхождение Монгольского народа, ибо калмыки являются западной ветвью Монгольского народа. История калмыков до начала XVII в., когда они пришли в район ниже-Волжских степей, является историей Монгольского народа.

Литература, по истории последнего, растет, с каждым годом появляются на разных европейских языках новые и новые капитальные труды по истории Монголии. Система государственного и административного управления монгольских Императоров-Ханов, стратегия и тактика монгольских полководцев — вызывают серьезный интерес у современников и являются предметом внимательного изучения; национально-культурная свобода, широкая веротерпимость практиковавшиеся в неоглятной Монгольской Империи, являются идеалом современного общественного сознания,

Одним словом, история Монголии освещается со всех сторон настолько, чтобы вызвать к себе естественный интерес, что является гарантией дальнейшего развития дела изучения монгольской истории.

Тем не менее для казачьей аудитории, для ясности их представления о калмыках, необходимо бегло изложить историю Монголии, т. е. до-Российскую историю калмыков.

История последних, грубо разделяя, распадается на три периода:

1) Монгольский — со времени Чингис-Хана и до падения Монгольской Империи в конце XIV в., когда все монгольские племена были объединены в одном государстве, когда не было центробежных стремлений у отдельных племен и владений.

2) Ойратский — когда, после распада Монгольской Империи, отдельные владения превратились в самостоятельные государственные образования, очень часто враждовавшие друг с другом, а несколько монгольских племен (западные) объединились в один Союз под названием Ойратский, по каковому названию все объединившиеся племена стали называться ойратами.

3) Собственно калмыцкий период, когда, в начале XVII в., Торгоутский Тайдж (нойон, вождь) Хо-Орлёк, отделившись от Ойратского Союза во главе своего племени и частей дёрбэтов и хошоутов, прибыл на Волгу.

В этой последовательности и будет наше дальнейшее изложение.

До того момента, когда на исторической сцене появился Чингис-Хан (Темучин) в конце XII и начале XIII ст., многочисленные монгольские племена жили разрозненной родовой жизнью, кочуя на северо-восточном углу Центральной Азии по рекам Орхону, Селенге, Онону и Керулену на востоке доходя до среднего течения р. Амура, на севере — до р. Селенги и оз. Байкал, на западе до гор Тарбагатай, Алтая, Джунгарии, на юге до Тангутского Царства (область к северу от Тибета), на юго-востоке соприкасаясь с кочевьями татар, граничивших с Китаем. В это время монголы были известны сравнительно мало. Главным их занятием было скотоводство и охота.

Объединение и возвышение монголов начинается со времени Темучина (род. около 1155 г.). Объединив все монгольские племена под своей властью, он в 1203 г. усваивает своему народу в качестве официального наименования прежнее название „монгол“, а в 1206 году провозглашает себя на Курултае (Собрание монгольско-калмыцких вождей, военачальников) Монгольским Императором, под именем Чингис-Хан.

Затем завоевывает соседние народы: уйгуров, корейцев, тангутов, кара-китайцев, Восточный Туркестан; предпринимает победоносные походы в Северный Китай, которым владела Тунгуская династия Джурдженей, в Персию, Грузию, Южную Русь (битва на Калке в 1224 г.).

Во главе войск, действовавших в Китае, кроме сыновей Чингиса, находился известный монгольский полководец Мукали. Войсками шедшими в Персию командовал знаменитый монгольский полководец Чирмагон. Целью этого похода была поимка и уничтожение единственного Хорезмского вожда Джелаль-ад-Дина, опасного для монголов, сумевшего из нескольких столкновений с ними выйти победителем, про которого сам Чингис сказал, что такого сына каждый отец пожелал бы иметь.

После победы над Джелаль-ад-Дином, войска Чирмагона прошли по Месопотамии, Руму, Курдистану, Азербайджану, Грузии, Армении. Этот поход навел панику на население и страх у населения перед монголами был настолько велик, что на этом своем пути они нигде не встретили сопротивления. „Трудно представить себе, пишет историк Ибн-ал-Асир, тот панический ужас, который овладел тогда всеми сердцами. Рассказывают, что однажды один монгол ворвался в большое селение и стал избивать его жителей, не встречая ни в ком даже попыток к сопротивлению; в другой раз безоружный монгол приказал своему пленному лечь на землю и не двигаться до тех пор, пока он не вернется с оружием, и тот повиновался этому приказанию, хотя знал, что оружие понадобится монголу для того, чтобы отсечь ему голову“...*)

Во главе корпуса, шедшего в Грузию и возвратившегося через Кавказ и приволжские степи, стояли выдающиеся монгольские полководцы Джебе-ноён и Субэдэй-батырь. Назначение этого корпуса было не столько завоевание новых земель, сколько широкая разведка на Западе, результатом чего и было потом нашествие Батые на запад в 1237—40 г.

Битву на Калке в 1224 г. монголы вынуждены были принять против своей воли, так как соотношение сил объединенных славянско-половецких войск (80000) и монгольского корпуса (20000) было неравное. Но монголы, вынужденные принять битву, применили свою тактику: бить врагов по частям: ложно, панически быстро отступили и, когда численность передовых частей увлекшегося преследованием войска половцев и славянских князей примерно сравнялась с их силой, монголы, внезапно повернув, дали бой, разбили их, а дальнейшая победа была уже обеспечена.

*) Г. Е. Грумм-Гржимайло-Западная Монголия и Урянхайский Край, т. II, стр. 462.

„Ничто не может удержать стремительного движения новых завоевателей Азии, куда бы они ни направили своих коней. Рушатся царства, гибнут города и народы. И, в результате, возникает держава, равной которой по пространству не было в мире до тех пор, ни впоследствии.“*)

Чингис-Хан умер в 1227 г. Перед своей смертью завоеванные им земли он разделил между своими тремя старшими сыновьями: Джучи, Джагатай и Угэдэй. Коренные же монгольские земли оставил своему младшему сыну — Тулюю. Впоследствии эта введенная Чингис-Ханом и сохраненная его наследниками удельная система послужит главной и основной причиной разделения и распада этой величайшей Монгольской Империи, созданной усилиями нескольких поколений монгольских императоров.

По словам персидского историка Рашид-ад-Дина, о своей деятельности Чингис-Хан высказывался так: „У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабеж и прелюбодеяние составляли заурядное явление. Сын не повиновался отцу, младший не признавал старшего, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали уважения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел у них законность и порядок“.

И действительно „нельзя отрицать, что, дисциплинируя свои войска, Чингис-Хан одновременно дисциплинировал и народ...**)

„... При этом подеме нравственных сил, который был пережит в его время монгольским народом, совершенно допустимо и то нравственное перерождение народных масс, которое ставил себе в заслугу Чингис“**)

О нравах монголов того времени Плано-Карпини пишет: „Между ними не было ссор, драк и убийств; друг к другу они относились дружески и потому тяжбы между ними заводились редко; жены их были целомудренны; грабеж и воровство среди них — неизвестны“.

После смерти Чингис-Хана, на монгольский престол взошел третий его сын Угэдэй. При нем продолжались завоевания северного и южного Китая, Туркестана, Армении, Грузии; при этом хане, войсками Батыя, (внук Чингиса от сына Джучи), одним из главных полководцев у которого был старый Субэдэй-батырь (бывший на Калке), были покорены аланы, кипчаки, мордва (мокша), покорены все южно-русские и Московские княжества (1237-1240).

В том же году, разделившись на четыре колонны, часть монголов вторглась в Польшу, взяла Сандомир, разбила польское рыцарство под Хмельником, выжгла Вроцлав и Краков; проникла в Силезию и нанесла жестокое поражение соединенным силам поляков и немецких рыцарских орденов под Лигницею (9 апр. 1241 г.). В Моравии, указанные части монгольской армии штурмовали Оломоуц, однако, сняли осаду и пошли в Венгрию на соединение с главными силами Батыя. Этот последний прошел в Венгрию, уничтожил венгерскую армию при р. Шаяве (Сайо) и овладел Пештом. После подхода сюда же четвертой колонны армии, имевшей задачей овладеть Трансильванией, Батый разделил свои войска на несколько колонн, которым и поручил окончить покорение Венгрии. Одна из этих колонн доходила до Вены, другая, под начальством Кадаана, сына Угэдэя, преследовала короля Бела IV через Хорватию и Далмацию до побережья Адриатического моря, где и закончила свое наступательное движение.

Это движение было прекращено в виду смерти Хана Угэдэя в 1241 году, когда все полководцы должны были съехаться на Курултай для избрания нового Хана.

После смерти Хана Угэдэя, целых пять лет Монгольская Империя была без Хана, пока в 1246 г. не взошел на престол его сын Гуюк, который продолжал

дело отца и деда. Во время его короткого царствования велась та же завоевательная политика монголов. С 1247 г. совершались походы на Мосул, Диарбекир, в Грузию. Во время этих войн на берегах Дона умер 73-х летний, упомянутый выше, выдающийся монгольский полководец Субэдэй-батырь.

Гуюк умер в 1247 г., не оставив прямых наследников. Преемником ему явился старший из четырех сыновей Тулуя — Мёнке, избранный при поддержке Батыя, на Курултае Ханом в 1251 году. При этом Хане была покорена Передняя Азия. Во главе тщательно подготовленного войска, шедшего в Персию, стоял его брат Хулагу (Улагу). Армия ата в 1255 г. достигла Самарканда и в январе 1256 г. перешла на левый берег Аму-Дарьи. Прибыв в Хорасан, Хулагу в 1256-1257 г. уничтожил орден исмаилитов, завоевал Багдадский халифат. Смерть Хана Мёнке и столкновение с своими сородичами Джучидами (Золотая Орда) не дали Хулагу завоевать Египет.

Мёнке Хан был последним общепризнанным верховным правителем всей территории Монгольской Империи и власть его была неограниченна. Этот то Хан писал королю Людовику гордое письмо: „Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, Королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить чего желаешь: мира или войны? Когда воля небес исполнится и весь мир признает меня своим властителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но, если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленна, горы неприступны, моря глубоки и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что можем сделать!“

Мёнке Хан умер в 1259 г. После смерти этого, четвертого по счету от Чингис-Хана, Императора возникает борьба за престолонаследие между братьями покойного Императора — Хубилаем и Арик-Бугой. Первый из них к этому времени приобрел громкую славу своими военными действиями в Китае. В конечном счете побеждает Хубилай и, укрепившись в 1260 г. на престоле, он прославился своими великими делами и мудрым правлением Империей. При нем окончательно складывается Монгольское государство и его собирательный период завершается. Этот Хан окончательно завладел Китаем, низверг Сунскую династию, объявил себя Богдыханом и начал новую монгольскую династию в Китае — Юань в 1271 г., которая существовала почти сто лет, пока в 1368 г. не был свергнут с китайского престола последний монгольский император Тогон-Тэмэр.

Этот Хан несколько раз предпринимал походы для покорения Японии, но походы эти не увенчались успехом.

Но, при этом же Хане, наблюдаются и признаки распада Монгольской Империи. Начатая при его воцарении на престол междоусобная война не прекращается, а временами принимает такие большие размеры, что требует от императора большого напряжения сил.

Примерная граница этой завершенной Монгольской Империи определяется следующим образом: „Резко очерченная граница единой Империи Востока охватывает весь Китай с Кореей, Индо-Китай, половину Индии, Тибет и Непал, Туркестан, скользит по берегу Персидского залива, языком огибает Месопотамию, Армению, Малую Азию с Дамаской и Алеппо, возвращается назад к Каспийскому морю и Кавказу, берегом Черного моря уходит к Азовскому по кавказскому побережью, перегибает в Крым, поднимается вверх по течению Днепра примерно на меридиане Смоленска, с запада и с севера огибает Москву, прямой линией на высоте Ярославля уходит на Восток, чтобы линией, провисшей в одном месте к Алтаю и затем выровненной, протянувшись через оконечность Байкала прямо к востоку, пройти забайкалье, выйти через амурскую область к Николаевску на Амуре и побережьем Приамурской области вернуться в Корею.“*)

*) Проф. В. Л. Котвич. Краткий обзор Истории и современного политического положения Монголии.

**) Г. Е. Грумм-Гржимайло — Западная Монголия и Урянхайский Край, т. II.

*) Вс. Иванов — Мы.

Эпоха Чингис-Хана и его ближайших преемников до Хубилая включительно представляет самый блестящий период монгольской истории как в смысле военного и политического могущества, так и культурного развития.

Но мировой монгольской империи, несмотря на образцовую систему государственно-административного управления, разумное использование сил культурных народов, в силу своей огромности территории, разнообразности состава, непрочности тогдашней экономической и культурной связи между отдельными народами, племенами, входившими в ее состав, естественно, трудно было долго существовать как единому целому.

И эта слабость выявляется при Хане Хубилае, когда в 1265 г. вся Монгольская Империя от Багдада до Пекина оказалась охваченной междоусобной войной и которая, благодаря почти одновременной смерти виновников борьбы: Арик-Буги, брата Хана и претендента на престол; Алгуя, правителя Джагатайского улуса; Хулагу, брата Хана, правителя персидского улуса; и Бэркэя, сына Батыя, — с одной стороны и при огромном напряжении всех своих сил со стороны Хана Хубилая, с другой, была приостановлена.

Эта борьба определила основные линии будущего распада Монгольской Империи: 1) Вся Монголия и Китай, где основу власти имела линия Хана Хубилая; 2) в Передней Азии улус Персидский, под властью сына Улагая (Хулагу), третьего сына Тулуя-Абаги; 3) в Средней Азии — Джагатайский улус, где в результате борьбы Алгу (внук Джагатая, сын Байдара) и Хайду (внук Угэдэя, сын Хашина) власть перешла к последнему; и, наконец, 4) На западно-сибирской и восточно-европейской низменностях — Золотая Орда, впоследствии распавшаяся на Ханства: Казанское, Астраханское и Крымское, и где власть имели потомки Джучи.

Тем не менее авторитет Монгольского Императора был еще достаточно высок, власть его была крепка и действительна.

В 1294 г. Хан Хубилай умер и военная партия, во главе с полководцем Баяном, согласно с волей почившего Императора, избрала Ханом Тимура, внука Хубилая.*)

„Царствование Тимура было непродолжительное — он умер в начале 1307 г., но оно ознаменовалось миром, хотя и кратковременным, между Чингисидами и признанием его суверенной власти над всей монгольской территорией от берегов Тихого океана до Днепра, от Амура и оз. Байкала до Ганга, Малакки и Явы. Это был момент мировой истории, когда могла считаться почти осуществленной мечта мировых завоевателей владеть вселенной“...

После смерти Тимура, по словам историка, пошли „ничтожные правители, недальновидные, слабохарактерные, довольствовавшиеся внешним почетом и гаремной жизнью и отдававшие управление государством в руки людей, умевших пользоваться их слабостями и пороками“...**)

Последний Монгольский Император Тогон-Тэмэр, в связи со стихийным бедствием, когда Китай постигли опустошительные наводнения, землетрясения и засухи, был изгнан восставшими китайцами в 1368 г. и умер у себя на Родине, в Монголии, в 1370 г. Но и после ухода этого императора из Китая, последний часто подвергался нападению со стороны своих соседей монголов, под водительством сына Тогон-Тэмэра — Беликтэ.

Желая избавиться от подобных нападений, китайцы собрали громадную армию и в 1388 г. в сражении в районе оз. Буин-Нур на голову разбили монголов, взяв в плен 70.000 человек и несметное количество скота. Это грандиозное поражение мон-

голов положило предел военному и политическому могуществу монголов: обаяние и престиж монгольского императора окончательно пали и отдельные части еще недавно великой Империи окончательно распались на самостоятельные государства.

Так распалась эта единственная в мире по своей грандиозности Империя монголов и у последних осталось только то, с чего они, два века тому назад, начали свои завоевания — собственная Монголия.

Принято смотреть на основателя этой Империи Чингис-Хана и его преемников, как на дикарей, разрушителей культуры, неспособных к творческой созидательной государственной работе. Но лучшие знатоки истории монголов и их жизни нам говорят совершенно иное.

„Недавние кочевники оказались не только победоносными завоевателями, но и искусными администраторами. Пользуясь помощью выдающихся людей из среды других народов, в том числе и европейцев, они сумели установить и поддерживать порядок в своих необятных владениях. Такие Императоры, как Хубилай, много потрудились над усовершенствованием государственного механизма и над распространением просвещения“, — пишет проф. Львовского университета В. Л. Котвич.

„... Но правда часто принималась за выдумку, фантастику, потому что тогдашнему человеку, к какому бы классу он ни принадлежал в Европе, трудно верилось, что где то далеко в Азии, в „языческом“ мире существует государство, во главе которого стоят вчерашние кочевники, дети степей, но которые в культурном отношении далеко превосходят тогдашнюю Европу; страна Великого Хана Монгольского знает и стройное государственное устройство, и налаженные пути сообщения, определенную финансовую систему, правильное регулярное войско с гвардией; знает порох и артиллерию, книгопечатание и бумажные деньги; Великий Хан не христианин, но в своем царстве, даже в своем роде, в своей канцелярии он терпит и христиан и мусульман, и буддистов“, — так пишет проф. Петроградского университета Б. Я. Владимирцев.*)

В другой своей книге тот же Б. Я. Владимирцев пишет, что „Чингис-Хан даже во время своих больших войн и походов никогда не обнаруживал какой то особой жестокости, кровожадности, которая бы превосходила то, что совершалось предводителями войск других народов той эпохи... Сдержанный, дисциплинированный и глубоко-практичный степняк-кочевник, каким был и остался до конца дней своих, Чингис уже из простого расчета не мог и не хотел быть кровожадным убийцей, как никогда не хотел быть бессмысленным разрушителем культурных поселений, хорошо понимая, какую пользу могут доставить земли с оседлым культурным населением своим кочевым господам“...**)

Противоречия ходячему в Европе мнению, что все народы в Азии сущие, суть „дикие варвары“, — „свoločь человечества“, немецкий ученый Д-р Б. Лауфер о монгольском народе вообще пишет: „Но среди этих беспечных детей природы раскинулись полные жизни города, промышленные центры, налаженные пути сообщения и, прежде всего, роскошные храмы и монастыри, местопребывание религиозно-схоластической учености и усердного изучения книг, с их богатыми библиотеками и беспрестанно работающими типографиями, с их коллекцией скульптуры и картин, с их разными факультетами, кафедрами и рефератами“...

„... Мировое историческое значение монголов настолько велико, что нас должно живейшим образом интересоваться все касающееся духовной жизни народа, который некогда смог потрясти всю Европу, а ее королей и пап вовлечь в сферу своего влияния. В истории нашего отечества они заклєймены именем варварских орд, на школьной скамье они выставляются нам чернее китайской туши и предтечей пресловутой желтой опас-

*) Б. Я. Владимирцев — Монголо-Ойратский Героический Эпос, Госиздательство, Москва.

**) Б. Я. Владимирцев — Чингис-Хан, изд. З. И. Гржебина, Берлин. 1922 г.

*) Хубилай Хан особенно любил астрономию; его громадные астрономические инструменты доселе сохраняются в Пекине, представляя блестящие произведения искусства, не утратившие своего значения и донны (Энциклопед. Словарь. Брокгауз-Ефрон, т. 38).

**) Хотя другой историк говорит, что племянник и наследник Хулук Хана — Буянту (1311 г.) был человек высокообразованный и покровительствовал науке (Энцикл. Словарь. Брокгауз-Ефр.).

ности. Тем более обязана наука выступить против такого странного определения и приблизить этот народ в общечеловеческом отношении к нашим сердцам. В своих песнях он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к широкой степи и к горячему степному коню, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной, к жене. Мы

познаем общечеловеческие и вместе с тем благородные и рыцарские черты этих необузданных сыновей степи, которые некогда стучались в двери нашего отечества такими могучими ударами меча"...*)

*) Д-р Б. Лауфер — Очерк монгольской литературы 1927.

Вл. Куртин.

Казачьи голиоты.

В. Довгань немного резко назвал „слугами“ всех тех казаков, что готовы стать и в ряды красной армии — лишь-бы не были „осквернены святыни Кремля“ (а при красной армии святыня кремля — мавзолей Ленина).

Есть, конечно, между ними и слуги. В прямом значении этого слова. Это — непомнящие родства, рассказавшиеся. Им было „приятно, тепло и сыро“, другого ничего не искали и, естественно, переродиться уже не могут. Старые пенсионеры, они доживут свой век на остаток того духовного капитала, который им оставили Царь-колокол, Царь-пушка и идиллический, абстрактный „Богоносец“. Они будут брюзжать еще на всех, кто не приходит в умиление от их „славного прошлого“. Их немного. И пусть себе брюзжат на здоровье.

Большинство-же оквалифицированных „слугами“, далеко уж не такие „слуги верные“, каковыми иногда кажутся и как иногда стараются уверить в этом других. Это просто напросто не освободившиеся еще от состояния сугестии (внушения) казаки. А что они еще не пробудились, так это лишь потому, что они-то как раз и есть — „оторванные интеллигенты“. Но все-ж казаки, что доказывает наличие у них полной коллизии врожденного с приобретенным, натуры с привычками. Потому-то они и блуждают между „Наказным“ и „Волею народа избранным“, между „так точно“ и — „выдачи нет“.

И эту двойственность, как шила в мешке, им утаить никак не удастся. Видят ее прекрасно, как и те, к кому они хотели бы пристать, так и те, от кого не хотели бы отстать. Они как мужик, привыкший к крестному знаменю: крестятся даже и тогда, когда зевают, говорят о Москве даже и тогда, когда о ней вовсе и не думают. Несутся в Москву, куда их никто не зовет и оглядываются на Дон и Кубань... А с таким арьергардом их там желают менее всего.

Для вольных казаков они не опасны. Ибо, слава Богу, безоговорочных и среди них мало. А раз уж дошли до сговора, значит, что на них уж перестают действовать сугестивные средства: „словестность“, школа, язык, импозантность величины („Ростом миру по плечу“) и т. д. И; без сомнения, не далек тот час, когда они, не договариваясь, заговорят общим языком Вольного Казачества, которое уж, как таковое, и будет договариваться с кем найдет нужным.

Ибо, главная то сила казачьего народа — казачьестаничник — „внушению“ поддавался слабо, а боролся с ним кроваво. И самостийность его стара, как и само казачество. И сколько-бы ни блуждал казак интеллигент по беспутью, инстинкт покажет ему, где свои. Как и в старину бывало: блукав, блукав козак, тай доблукавсь до Дуная и задумавсь:

... „Чи втопиться, чи с коня вбиться,
Чи назад воротиться?..“

И не сделал ни первое, ни второе, ни третье, а переправился за Дунай — к своим. И чем скорее поступят так и наши „путейцы“, тем будет лучше, для них-же.

В истории имеется достаточно примеров, чтобы видеть, куда могут довести гипноз и внушение. Например, большой воинственный народ Иллиры исчез так, что от него ныне ни следа ни помину. Хотя его не уничтожили оружием римские легионы, а до старости народа далеко было. Исчезли Иллиры в мирной обстановке, молодым народом. Просто напросто, забыли са-

мих себя, романизировались. А небольшое славянское племя, хорваты, узкой лентой прижавшееся к Адриатическому морю, подверженное всем ударам римской культуры, латинизации, притиснутое с севера немцами, с северо-востока венграми, а от единоплеменных и единоплеменных сербов отделенные непроходимыми горами — самое себя не забыло и свое „я“, со всеми его специфическими особенностями пронесло и до наших дней.

Конечно, и здесь были непомнящие родства, „слуги“, не представлявшие себе возможным самое физическое бытие хорват вне обаяния — Рима, Беча (Вена), Пешты (Будапешт)... Смотря потому, кто в данное время являлся барином. Были и здесь готовые лечь костями за „Апостольное Величество“ и „Sancta Sanctorum хорват“ — Беч (Вену).

А за ними и хорватский „Чово-Голиот“*) не только готов был лечь, но и ломился в первых рядах — во славу хорватскую, а в удовольствие и благоденствие Беча и Будам-Пешта. — Охранял царство от турок, держал границы, бил итальянцев и — платил, платил... А за свою „службу верную“ получал „милостивейшие грамоты“ да бурдюжные мосты, как и „доблестное Казачество“ от Sankt-Petersburga.

Но езгра**) — то народа — теžаци — были и остались хорватами, несмотря на принудительное итальянизирование, онемечение, — несмотря даже на такие сильные гипнотизирующие средства, как Воинствующая Католическая Церковь с ее иезуитами, доминиканцами, иисусовцами и т. д.. вплоть до св. Инквизиции.

Езгра эта и спасла целый народ от растворения в немецко-итальянском море. А вот интеллигенция-то так было „оторвалась“ от народных масс, что и языка-то своего материнского не знала. Да и знать его не хотела. Зазорно было.

Но были среди интеллигенции, единицы, правда, — единицы, которым свое маленькое родное было куда дорожее всего „священного царства“ и которые в конце концов и довели хорватский народ до Народного Веча (вече — Рада). И уж Вече само заговорило одним языком с братьями „по ту сторону Савы и Дрины“ и образovalo с ними единое свободное государство.

Но сколько эти хорватские „маджароны“ и „тальянаши“ зла принесли родившему их народу! Как долго хорватским „самостийникам“ нужно было бороться, сколько напрасных жертв принести, чтобы уверить своих „путейцев“ в жизненности и спасительности такой простой истины: — думайте вы о своем родном хорватском (точнее южно-славянском), а о Бече (Вене) пусть немцы думают...“

И другой пример: Дубровник, эта маленькая Республика, сумевшая сохранить свою фактическую независимость от всех соседей. Все равно каких: чужих или родственных по крови и языку.

По свидетельству Константина Багрянородного, Дубровник основали беженцы из Римского города Эпидавра, который разорили славяне в начале 7-го века. Эти беженцы — романы — составили ядро населения Дубровника, которое впоследствии славянизировалось и уже в XIII веке народным языком становится язык славянский. Дубровник управлялся своим вечем, имел

*) „Чово“ — сокращенно: человек. „Голиот“ — голиаф, чьей силою распоряжаются другие.

**) jezgra — ядро, сердцевина.

своего выборного князя, самостоятельно заключал торгово-политические договоры. Власть соседних государств-китов (Визант. Империя, Венеция, Душаново Царство, Венгрия) над Дубр. Республикой была чисто номинальна. Вся зависимость Дубровника выражалась только в небольшой дани. Когда турки завладели целыми Балканами — Дубровник сумел не только остаться свободным, но и развил свою экономическую мощь до небывалых размеров. Самая дань, что платила Республика Турции, была лишь платой за свободу торговли по всему турецкому царству.

На Венском конгрессе 1815 г. „покровительство“ над Дубровником приняла Австрия. Под Австрией Дубровник еще сохранял некоторый вид автономии: не платил налогов, не нес воинскую повинность. В 1841 году были введены налоги; в 1878 г. введена воинская повинность и Дубровник стал обычным городом „Священной Империи“, пока в 1918 г. его не заняли отряды Сербской армии.

Более 1000 лет дубровчане жили независимой свободной жизнью. На их глазах пропадали и владели рабское существование несравненно сильнее народы. Дубровникская Республика защищала свою свободу и от „чужих“ и от своих „соседей“. Со „своими“ (хорватами и сербами) бывала и в приятельских и в неприятельских отношениях и никогда дубровчанам не приходила в голову мысль, что вне обаяний своих северных или восточных одноплеменных и одноязычных народов они существовать не могут. Свободные граждане

республики Св. Влаха безоговорочно не могли признать над собою ничью власть. Чрезвычайно искусные дипломаты они с честью выводили свою республику и из таких „безвыходных“ положений, в которых и „великие“ народы навсегда утрачивали и свою независимость и свой национальный образ. Каждый дубровчанин предпочитал быть свободным гражданином своей маленькой республики, чем рабом какого угодно „священного“ или святого, „ростом миру по плечо“, колосса.

Эта маленькая республика (40000-50000 душ) по своему экономическому благосостоянию, культуре стояла далеко впереди своих славянских соседей. Именами — Д. Раньина, Ветрановича, Гундулича, Бунича, Пальмотича, Бошковича и мн. др. гордились не только дубровчане, но и все южные славяне. И Дубровник по справедливости заслужил имя — „Славянских Афин“.

Выходит, что и во времена „государств-китов“ могли существовать „государственные образования“. Психологические, бытовые, социальные особенности старых дубровчан сохранялись веками. А слившиеся в одно политическое целое, хотя бы и по взаимному согласию — договору — родственные народы еще не представляют и духовно — Единого. А это — непрочное здание. Особенно в наше время. И наши ориентировщики на Москву пусть это хорошо помнят и по примеру старого Дубровника, „возлюбят всем сердцем своим, всею душою своею и всем помышлением своим“ — свой родной край, свою Кубань... Все остальное приложится... когда этому придет час.

Кубань в большевистском зеркале.

От редакции. В Харьковской коммунистической газете „Вісти ВУЦИК-а“ в прошлом году напечатан ряд „дорожных“ писем-корреспонденций „товарища“ П. Лісового, совершившего поездку из Харькова на Кубань. Письма эти, касающиеся „красной Кубани“, имеют некоторый интерес и для нашей казачьей эмиграции.

Приводим здесь некоторые из них без особых комментариев, т. к. считаем, что наши читатели достаточно хорошо знают свою Родину, чтобы и самим дать правильную оценку большевистскому корреспонденту.

I.

Когда говорить о Кубани, то следует понимать громадную область, которая, собственно говоря, начинается у Ростова и тянется до Кавказских гор. Сами кубанцы проводят границу несколько ближе.

— По Куцевку наше! — говорили они. За ней начинались земли донских казаков.

Степь, степь и степь. Пока хватает глаз. Степь и небо, И та и другое где то далеко сливаются и нельзя их различить вдаль.

В мареве маячат станицы; только небо и степь. Да рельсовая полоска.

Но где бы вы ни ехали по реке Кубани, вы всегда видите Кавказские горы, они вас в немоте сопровождают, вызывая любопытство и удивление.

И вот теперь каждого утра я люблюсь ими. Чистые, далекие, неприступные, гордые, они манят к себе...

Недаром древние греки избрали Кавказ, как место наказания Прометею: ибо дика, неведома и страшна краса его.

Но „касторгу“ принимал на Кавказе не один легендарный Прометей. Выпили горькую чашу „голодные и босые“ не только гордые и вольнолюбивые горские народы, которых решил растоптать и в конце концов растоптал царизм, а полегли там и тысячи русских солдат, приняли Кавказские горы не одну тысячу и казачьих трупов.

А все во имя чего?

Во имя „царя и отечества“.

Правый берег Кубани — это дивная Черноморья, это те степи, про роскошь и родючесть которых еще баба Параска на Роси (реке) слышала. Это же она, переругавшись с соседями, которые перестали ее звать „трапезовать“, угрожала уйти аж на кубанские степи.

— Хоч на кубанські степи тікай... — говорила она.

Это край пшеницы. Край богатых хлеборобов

Это край по сути даже не изученный, необследованный. Это край будущего.

Если взять так званные „лимитрофы“, то Кубань больше Эстонии, Латвии, Литвы.

Разделение на „казаков“ и „иногородних“ положило свой отпечаток на всю политическо-социальную жизнь Края. Оно было одной из основных причин конфликтов в Крае, которые достигли апогея, своего наибольшего напряжения в нашу революцию и вызвали такую классовую вражду в станицах, какой, может быть, не было нигде в Союзе. Перед той борьбой бледнеет борьба нашей бедноты с живоглодами, настолько та была упорнейшей, жесточайшей, широкой и долговременной.

Горячего материала в станицах было так много, что понадобилось целых два года, чтобы все старое сгорело в пламени революции и из великого социального конфликта народилась новая Кубань. Часы гражданской войны миновали. Край входит в новую эру своей истории. Разделение на отдельные сословия, на „казаков“ и „иногородних“ понемногу, мало по малу, но исчезает. Революция в этом отношении сделала такую перетруску, она провела по старому такие глубокие борозды, что поворот к старому просто невозможен. Мечтать об этом могут только безнадежные или идиоты. К слову несколько таких идиотов... извините, „кубанских патриотов“ сидят за границей.

Часть их крутится около Николы Шуаньийского, больше известного под названием „Николая Длинного“, часть крутится около „Трезуба“ и играет в украинскую самостоятельность.

На кого они думают опираться? На старое поколение, которое не мирится с новым порядком вещей?

Правда, старое может и не помириться, но оно отмирает, а то и просто вымирает физически. А вместо него вырастает в советских условиях молодое поколение. Оно не знает старой враждебности.

Кубань прошла через огонь революции. Она пылала и от революции и от контр-революции. И если ст. Полтавская дала знаменитого вождя Таманской армии Ковтюхова, то ст. Дядьковская дала знаменитого Шкуро и „вольчю сотню“. Победила „новая“ Кубань.

А революция создала из разнородного людского материала новый строй, который действует не оглядываясь назад.

Новая Кубань! Красная Кубань! Звучит, как будто, смело. Пессимисты и враги найдут в ней много шероховатостей. Они даже не верят в ее существование. Но она такая новая Кубань есть, она растет и развивается. Пусть не так как бы нам хотелось. Пусть есть ошибки и ошибки значительные. Но они не затевают основного: это того, что старое погребено и растет новое.

Боевым дискуссионным и до сего времени неразрешенным вопросом на Кубани есть:

— Кто населяет Кубань: украинцы, кубанцы или русские?..

Правда для нас жителей советской Украины, где национальная политика проведена так, что почти все национальности имеют не только свою школу, но и свои районы национальные, эта „дискуссия“ немного непонятна.

Но не так стоит дело на Кубани. Тут надо понимать те специфические условия, в которых Кубань развивалась, и тогда станет ясным, почему такая, временами горячая дискуссия, ведется по поводу вопроса: какова национальность в большинстве населяет Кубань?

Если брать Кубань в старом административном разделение, — говорит украинец — то без сомнения, большинство населения составляют украинцы. Это доказывает факт переселения сюда в свое время запорожцев; потом сюда переселялись украинцы компактными массами, украинцы с Полтавщины, Черниговщины, Харьковщины; — далее язык...

— Позвольте, позвольте! — перебивает вас туземец, абorigine. — Собственно говоря, Украина, — это старая „Малороссия“, а мы Кубанцы*)... Кубанское казачество сложилось совершенно иначе. И мы не понимаем, почему вы непременно хотите, чтобы мы назывались украинцами. Украина и украинцы — это одно, а Кубань и кубанцы — это нечто совсем иное!

— Но подождите!

— Вот вам и (подождите) „чекайте“. Вы говорите что-то про общий язык. А вы знаете, что вашего „чекайте“ наш казак хлебороб не „второпает“ (не поймет)! Это же галлицизм. У вас и весь литературный язык галлиций...

Как известно, сторонники „кубанской нации“ есть не только здесь на месте, но они есть даже и в Москве. Не дивно, что учитель, под час переписки на вопрос „ваша национальность?“ пишет „кубанский казак“. Дивно, что этому кое-кто покровительствует.

И, в конце, есть третья категория, которая не признает ни „кубанцев“, ни „украинцев“.

— На Кубани живут „русские“ и баста.

Недавно эта категория людей, про которых еще когда-то и Ленин говорил; — „Поскребите такого коммуниста и вы найдете русского шовиниста“, — задавала тон. Теперь эти экземпляры хотя и часто попадают, но чувствуют себя как мастодонты, которые попали в совсем иной мир и никак не догадываются умереть.

Однако шутки шутками, а вопрос так и до сей поры не разрешен.

Для кубанского округа, по крайней мере, давно уже вырешено, что 80% населения составляют украинцы. Это признано, записано и постановлено.

*) Между прочим, любопытная подробность. В книгах, издаваемых „Севкавказкниго“, до этого времени часто употребляется термин „Малороссия“, „Юго-зап. Край“, „Юг России“ в отношении Украины. Очевидно, все это явления одного порядка аполитетов „кубанизации“ края...

П. Л.

Выходило бы, что, коли сказали „А“, то нужно сказать и „Б“.

Но тут то язык почему то „прильпе к гортани“!

А почему „прильпе“, — неведомо...

Что же касается меня, то я за десять дней пребывания на Кубани, убедился, что население Кубани, принадлежит к той нации, которая называет себя украинской, хоть „кубанцы“ с этим и не соглашаются.

Мне говорят, что необходимо это обосновать „исторически“. Как я не люблю, а придется историей заняться...

III.

„Пошел“!

Ой годі нам, чорноморці,

худобу водити,

Ой, підемо, чорноморці, за

Кубань ми жити.“

Песня.

Собственно, этот отрывок, можно бы было присоливать, давши такой подзаголовок — „посвящается всем кубанским патриотам“.

Кто то из здешних людей говорил про классовое расслоение в станице:

— У нас казаков, много есть таких, которые стоят за старый порядок.

— А иногородние?..

— Иногородние — те за Москву...

Так вот, должны признать, что между „Россией“ и „Москвою“ есть разница: разница эта проведена революцией. „Россия“ — это самодержавная власть, это старый порядок, это станичный атаман, это эксплуатация иногороднего.

„Москва“ — это советская власть, это новый порядок. Боюсь я сказать, что „все“ казаки за „Россию“ и против „Москвы“, как ни стараются здесь кое кто подчеркнуть, ибо район моих наблюдений пока что не велик. Но думаю, что и в „Москве“ немало друзей из казаков. Когда побываю в станицах, то соберу и факты.

Но где доказательства того, что казакам „за царей“ было всегда „хорошо“? Казаки своей истории не знают, царизм держал их на „особом положении“ и за всякую цену культивировал их „отделенность“, трактуя казаков, „как верную опору“ престола. Он писал многословные реляции про их боевые заслуги, он велеречиво прославлял их „ратные подвиги“ на службе „Родины“, про что, например, свидетельствует надпись на памятнике в Екатеринодаре, поставленном в честь кубанцев и линейцев в день столетней (?) годовщины существования кубанско-черноморского казачьего войска.*)

Одним словом:

Какая честь для нас, для всей Руси...

что черноморские казаки были, а в руках царей обратились в орудие придушения воли горских народов, а потом и всей настоящей рабочей и крестьянской „России“.

Я чувствую, что может быть кой кому из местных людей это и не понравится, но что ж поделаешь: правды, как говорят, из песни не выкинешь...

В 1860 г. было вырешено царским Петербургом окончательно „замирить“ Кавказ, иначе говоря, попросту — задушить в крови.

Было решено массово переселить черноморских казаков за Кубань. Расчет был простой: на новом месте казак волей или неволей, а будет воевать с черкесом, ибо, ему придется защищать свою хату и своих детей от „диких“ горцев.

Весьма живописно описал эту политику, полковник Шарапа:

Ехал как то „светлейший“ князь Барятинский из

*) К слову, местная власть, очень хорошо сделала, что этот памятник не сияла. Но не мешало бы к надписям дать соответственные комментарии, которые свидетельствовали бы о том, в каком по сути рабстве пребывало казачество.

П. Л.

Тифлиса на Черноморье, чтобы осчастливить, как говорит Шарапа, своим посещением здешнюю „мразь“.

И вот, как на зло, попала на дороге пешая саранча.

— Стой... Это что за кузнечики? Да какая их про-
пасть, — процедил сквозь зубы Барятинский.

— Это саранча, ваше сиятельство.

— Что?

— Саранча, пешая саранча, ваше с-во.

Пошел! бросило сиятельство кучеру, и под колесами послышался глухой противный звук — двухвершковую массу саранчи перерезывали элегантные колеса.

— Так же и в отношении Черноморья — писал дальше Шарапа. — Що за такие люди черноморцы. Какие такие права у них, что они осмеливаются просить отменяющего распоряжения начальства, основываясь на выдуманных правах...

— Пошел, и баста!

— Это „чудное“ словечко было основным мотивом в применении к жителям Черноморья гениального проекта „про заселение предгорий Западного Кавказа“.

— Не забывайте, что это пишет совсем не революционер, а пан полковник.

Барятинский хотел перетасовать черноморцев, как

колоду карт... Он боялся их. В письме к Милютину он писал, что „Черноморские казаки показывались какими то страшилищами, могущими перевернуть весь Кавказ вверх ногами.“

Барятинский ненавидел черноморцев, а Евдокимов — вообще не любил всех казаков. План у них был очень простой. Они вели курс к тому, чтобы казаков совсем согнать с земли в горы, другими словами, приготовить им ту самую долю что и черкесам.

Евдокимов так и писал наказному атаману (черноморскому) Филипсону, что потом, — „не встретится уже никакого затруднения в окончательном освобождении этих земель от присутствия казачьего населения“... (В результате черноморско-кубанского „бунта“, в котором активно выступили линейские станицы, массовое переселение не состоялось.)

При проезде царя Александра II через Кубань, когда он выходил из экипажа в Копылах, его увидела старая казачка и сказала:

— Ач! Тим воно на світі й правди немає, що царь з маскалів...“

Это, кажется, было последнее проявление казачьего неудовольствия.

Далее царизм повел такую политику, что черноморские казаки, как и весь Край вообще, были крепко запряжены в царскую державную колесницу.

Думы и мысли казачьи.

Думы и речи казачьи.

От Адриатики до Дуная и от границ греческих до итальянских, венгерских и румынских, по всем городам, селам и весям Югославии, по лесам, горам и щелям, куда вы ни поедете, везде вы наткнетесь на казака. Где в одиночку, где группами, а где и большими рабочими артелями добывают они себе кусок хлеба. Есть бедные, есть состоятельные, но больше — достаточные. И чем только не занимаются они! Кажется нет ремесла, промысла и даже искусства, к которому бы казаки не приложили рук своих.

Но, что всего удивительней, — при всем этом разнообразии труда, думы заветные, думы и речи у всех одни и те же — и у одиночек, и в партиях, и в больших группах.

В городах и селах, на лесных и рыболовных промыслах — по Дунаю, Саве и Мораве, и на берегах Адриатического моря, там где газеты и журналы гляшают свое „верую“, и там где о них нет и помину, думает и говорит казак одно и то же — свое заветное, казачье.

Вас встретят и тотчас же, после обычного приветствия, задают один и тот же вопрос: — „Ну, когда же домой? На Кубань, Дон или Терек?“

И как бы вы не ответили — неопределенно или и совсем промолчали, разговор пойдет на эту самую тему.

— Эх, — говорит, например, один, кто постарше, — долго ждать да сидеть нам тут, пока русский человек одумается да большевиков прогонит.

— Да еще и прогонит ли? — поддакнет другой.

— Как это вы думаете, просто, что ли, весь русский мужик за большевиком пошел? Видать по душе они ему пришлись, да и теперь они ближе к ним, чем к нам казакам. Ведь знаете, что они, мужики, на Кубани да на Дону с казаками выделяют — письма с дома получаете...

В рабстве и тяжелой неволе казак теперь в России: мужик добился своего к чему уже давно стремился — снял у казака землю, придушил его и, видать ясно, совсем его задушит. Казачество schnitz-hoch. Да и задушат и будет о казачестве у детей его только одна хорошая сказка.

Так вот. Все казачье большевики своему „родному брату“ дали, так чего же мужик их прогонять будет? Что еще даст ему, какая другая, будущая власть в России, а эта уж дала все, к чему он рвался.

Не даром же в Добровольческой Армии все одни только офицеры, кадеты, студенты да гимназисты были, а много вы там справедливых солдат видали? За белыми генералами народ российский то не пошел, а за красными вождями валом повалил на Казачьи Земли.

А мы, казаки, хоть спочатку и помутились было, да вспаматовались скоро — мальчишка с четырнадцати годов и дед под шестьдесят, в строй пошли... Офицеров не хватало, вахмистра сотнями командовали... Так то...

— Да оно, конечно, надо правду сказать, — слышится с другою конца беседующей группы, ни монархия, ни республика российская мужика обижать не станет — казачьей земли от него назад не отберет, и останется казак ни при чем опять, со своими непрошеными гостями из России.

Ни при царе, ни при республике общероссийской дело наше казачье не поправится.

— Ну так как же теперь? Значит так и пропадать казакам? — сорвется горячий голос.

— Да не должно быть так! Вот слышали, что Украина хочет от России совсем отделиться, вот бы и нам казакам — донским да кавказским — с нею по пути и за кампанию....

— Слышали и мы, да вот Донской Атаман, обещал, говорил, что нам одним казакам с украинцами отделиться не под силу, а помочи дать нам, будто никто и не хочет.

— Ну так что ж? И пускай не помогают, однако и помешать нам охотников, думаю, не найдется, а нас с ними, говорят, миллион с сорок то будет, это казаков с украинцами.

Конечно, что дойдет до драки, ну да мы еще на войне видели, кто на совесть дрался, а кто для видимости. Воевали, надо правду сказать казаки, да „хохлы“, да еще сибирские, а разные там пельзенские да тамбовские так и говорили — отступай да вся тут, до нас немец не доберется, мы далеко...

— Оно, конечно, куда лучше бы без драки да крови, отделение это свершить надо. Помощников нету — искать надо, на то у нас и Атаманы есть, их это дело и касается. Присягу то они какую давали, когда их выбирали:

— Служить Войску всемерно, а об единой неделимой России и помину не было, — ну так вот они это дело и сделают, а мо-

жет уже и делают, да только из политики ничего не говорят.

— А время пришло. Давно пора — и здесь и там, дома, народ то ждет. Молча ждет. Затаился, и не дай Бог, вдруг не дождавшись ничего отсюда, да сам проснется и заговорит!

— Э-э-эх! Дорваться бы нам только до Кубани! — раздается молодой, потерявший терпение голос.

Ага! Слыхали? Вот это самое. И это здесь заграницей, ну, а там, на Дону, на Кубани надо полагать давно уж кулаки сжаты и зубы стиснуты.

Отложиться от России нам следовало бы еще тогда, когда мы выгнали большевиков с Кубани и Дона. Дойти до границы, стать и закрепиться. Пусть Россия сама за себя борется, если ей большевики не по душе. Не пролилось бы столько крови казачьей, не дошли бы до озорства и поменьше бы сраму набрались. Не было бы такой страшной ненависти между мужиком и казак. Что-ж, знать уж такова судьба наша, что казаки тянут в одну сторону, а старшина казачья всегда, как то, в другую, а в конце концов бьют и тех и других. А надо бы прислушаться, сговориться и действовать заодно, пока не поздно...

Да и Россия от этого отделения не много бы потеряла. Ведь Кубань и Дон „русский брат“ слопал уже начисто, а под носом Сибирь и Приамурье. Мы были в тех краях, когда служили в пограничной страже. Богатейший край! А вот нейдет туда мужик. — Далеко. А правильного переселения в те места прежнее правительство никак не хотело наладить. Вот теперь может быть новое, какое в России будет, наладит это дело в государственных размерах, а не по детски, как это было раньше.

Вот какие думы вслух у казаков! Чем не журнал „Вольное Казачество“, а его там даже не только не видели, но и не знают, что он существует.

Не умела Россия беречь Казачество, надо его отобрать от нее, иначе этот высококультурный, благородный народ будет уничтожен окончательно.

Казаки были всегда хорошие союзники, но уже не такие подданные, а рабы — никогда.

Русский гражданин может не любить казаков, но должен уважать их и их историю, свободолюбие и их собственные, так совсем непохожие на российский, быт и уклад жизни, его, казачества, стремления и идеалы. Тогда только найдем общий язык...

Александр Гейман.

Приезд Дон. Ат. в г. Видин.

3-го июля с. г. Видинскую Казачью станцию имени Атамана Каледина посетил Дон. Ат. А. П. Богаевский. Казаки, проживающие в городе Видине и его окрестностях, дружной семьей собрались на станцию для встречи Атамана.

После встречи, Атаман посетил административных лиц города, а в 9 часов вечера был устроен ужин. Время проходило в беседе, были танцы и песни казачьей старины.

При собеседовании попросил слова есаул Кудинов, затронувший интересные казаков вопросы — настоящее и будущее казачества. Некоторые из присутствующих „единицеделимцев“ пришли в замешательство.

Но встал Атаман и сказал:

— Я есаула Кудинова лично знаю, так как он герой и блестящий офицер. — Атаман рассказал о том, как 9 лет назад, когда Донская и Добровольческая Армии были уже накануне неизбежной гибели, и его, больного тифом, уже определяли на какой-то пароход для отправки в чужие пределы, как вдруг пришли на помощь славные Верхне-Донцы в составе пяти конных дивизий и одной бригады, под начальством вахмистров и урядников, под общим командованием сотника Кудинова.

Сообщение есаула Кудинова.

Казаки, в огромнейшем большинстве, истины о своем происхождении не знают (это факт печальный). Глав-

ное мое намерение на собрании по случаю приезда Атамана было пробудить спящую казачью мысль и вдохнуть дух активности. Мои слова: Братья казаки, на протяжении ряда веков нами много пропето казачьих песен, протанцовано казачьих танцев, но знаете-ли вы значение этих мотивов далекой погранной старины?

Молчание.

Как овцы на заклание ведены были, и как Агнцы перед стригущими нас были безгласны, в унижение нас — над нами суд совершался, но род наш кто разъяснил?

Молчание.

Мы Россию орошали величием и любовью, а Россия Казачество погромом, пожаром и кровью. Попросим-же глубокоуваж. А. П. поведать нам истину о прошлом Казачества?

Но Атаман на такую правду очевидно решиться не мог, потому что эта тенденция самостийная, а он пока что к самостийникам не благоволил, хотя и не проклинал. Я бы даже сказал, что внутренний его мир уже вкусил неизбежность самоопределения Южных Республик, но у него еще по старым царским традициям не хватает воли отгородиться от Москвы — мучит мираж прошлого. Его слова о Вольном Казачестве: „Эта организация возникла из ничего, и мы сперва не придали значения таковой, но когда увидели, что она захватывает массы, мы решили с ней бороться.“ А. П. повторил также слова, которые значатся в В. К. С. № 14—15 т. е. о сильном соседе, об армии и финансах, и пр.

Итак понимайте слова Атамана: раз из ничего создалось что-то, значит В. К. вполне отвечает духу и мысли казачества.

Вольное Казачество, поднявшее знамя Казачества, должно неуклонно, без страха, идти к намеченной цели Ю.-В. С. К. Р., т. к. сожительство с Россией несовместимо. Вопрос не в крови, а в бытии.

Братья вольных степей Украины и горного Кавказа! Не будьте нейтральными, ибо нейтралитет не двигает события, но борьба двигает вперед звенящее колесо истории! Если требуется делать — нужно делать, а если потребует кровь, то — умереть! Не нужно вымаливать своих прав, а — требовать и брать. Найдем друзей. Не бойтесь превосходящего количества северян — сломают зубы и они.

Мы казаки плечо с плечем с добровольческой армией сражались против большевиков, одновременно покинули пределы родины, владим одну участь беженской юдоли, и несмотря на все эти испытания, которые должны были бы изгладить все преступления московского народа, мы и сейчас не застрахованы от нападок.

Вспомните 12 февраля, день памяти погибших атаманов Дона, Терека, Кубани, Оренбурга?.. Вспомните поступок г-на. Кутепова? Но ведь этот поступок нельзя отнести только к Кутепову, таковы поступки всей московской Руси. Не возмущайтесь, не ропщите и не сомневайтесь в достижении своих вправ вольности. Всякий взглянувший на знамя Вольн. Казачества и последовавший за ним спасется. Расчет не кончен. Мир в состоянии революции и войны. Мы не одни. Нам помогут освободиться от московского насилия. Те, кто пограл наши кровы, разрушил и сжег наши хутора, станции и аулы, не братья нам! Некоторые наши братья-вожди со слепым упорством продолжают оплакивать былую гниль, но мы не звери, мы не рубим головы вождям, но зовем и их в ряды, под одно знамя, искренне уважая их почетное имя и звание. В. К. больше радуется одному раскаявшемуся и присоединившемуся, чем ста последовавшим.

Братья Казаки! Долг и кровь пролитая, наших братьев Атаманов и казаков, зовут вас под знамя Вольного Казачества. Неужели язык прилип к гортани и мы не можем высказать своих мыслей? Братья казаки, когда вы были еще маленькими, помните, что вам говорили деды? Так говорили уста прадедов: „Соединятся Донцы с Горцами и пойдут на Россию“... Помните, что это сбывается. Кровь казачья, пролитая самодержавными тиранами и революционной толпой русских... поджигателей и разрушителей, не может отойти в вечность прошлого. Братья казаки всех Войск и Кавказа, объединенное Вол. Каз. зовет вас под свое знамя!

Довольно раздумывать! Время определить! Казаку не свойственно и стыдно быть пугливым наблюдателем и говорить: подожду, посмотрю да подумаю, что скажет тот-то и др. Долг совести зовет Вас к активной борьбе за право и вольность. Путь Ваш в ряды Вольного Казачества!

П. Кудинов.

Казаки о „Вольном Казачестве“.

... Месяца два назад получил я № 11 „В. К.“, но вскоре заболел серьезно и больше месяца пролежал в больнице. Возвратившись, нашел еще три № „В. К.“.

С каким удовольствием и даже наслаждением читал и перечитывал я этот очень интересный журнал, небольшой по своему виду и весьма обьемистый по своему внутреннему содержанию.

Все в нем написанное так близко отвечает моим давним многолетним убеждениям и заветным сердечным желаниям.

Наконец то, прозрели казаки, сбросили с себя оковы духовного рабства, привитого чуждым воспитанием и открыто и свободно взглянули вокруг себя! Пора, давно пора освободиться нам от всякой опеки и твердо стать на собственные ноги.

Если теперь, в годину тяжелых испытаний, когда и

Международная жизнь.

Накануне подписания пакта Келлога.

27 августа в Париже торжественно будет подписан пакт Келлога против войны. Автор этого пакта выехал из Америки в Европу. К этому торжеству в Париж съедутся министры иностранных дел или уполномоченные представители тех государств, которые подпишут этот акт в первую очередь.

Особенный интерес в международных кругах вызывает приезд германского министра иностранных дел д-ра Штресемана. Все сомнения — высказываемые поэтому в европейской прессе, — были рассеяны его сообщением о том, что он лично прибудет в Париж для подписи пакта Келлога. Высказываются предположения, что во время пребывания Штресемана в Париже состоится его свидание с французским министром иностранных дел — Брианом. Очевидно, предметом этого свидания будет обмен мнений относительно окончательной ликвидации рейнской оккупации и вопрос германских репараций.

Пакт Келлога вообще вызвал большое оживление в дипломатических сферах и в публицистике. Интересует он, понятно, и специалистов по международному праву. Немецкий ученый проф. Бредт — правильно отметил в „Berliner Börsen Courier“, что принятие этого пакта вызовет необходимость коренного пересмотра существующего международного права, допускающего войну, как фактор международной политики.

Заинтересовалась этим пактом — и большевицкая Москва. Она не прочь бы была даже присутствовать при торжестве его принятия. Окольными путями был сделан намек по этому поводу Вашингтону. Но Америка — верная своей антибольшевицкой линии в международной политике, ответила категорическим отказом, заявляя, что после 27 августа всем желающим государствам будет предоставлена возможность дополнительно подписать этот пакт. Латвия и Эстония именно таким образом решили присоединиться к этому акту.

Москве-же, которая устами Бухарина на последнем конгрессе Коминтерна — так внушительно говорила о неизбежности новой мировой войны, как предисловия к последующей социальной революции, — как то странно гоняться за пактом Келлога, особенно одновременно с тем, когда ее руками из Зап. Монголии поджигается военный конфликт в Манджурии...

власть исконных насильников значительно ослабела, не сумеем этого сделать, то после будет уже поздно.

Какие мощные силы собраны вокруг „В. К.“! Ничего подобного нельзя найти в других эмигрантских журналах и меня бесконечно радует, что это все мои собратья казаки.

Они с такой силой и убеждением зовут всех казаков стать на верный путь, так энергично и горячо взялись за это великое дело, что и я сам, — уже старый человек, утомленный духом и телом, вдруг помолодел, воспрянул душой и сердцем и закипел юношеским желанием вложить в это дело и свою малую лепту, а ведь мне уже под шестьдесят лет!

Читая журнал, я поверил в возможность освобождения казачества от всех насильников и поработителей, как бы они не назывались, поверил, что еще на самом деле „есть у казаков порох в пороховницах“ и что скоро „зберуться всі бурлаки до рідної хати“ и ясно увидят: „що діється тепер в світі і чії ми діти“. А раз все ясно увидят и поймут, то тогда уже можно вполне ручаться, что у казачества найдутся силы достигнуть того, чего оно пожелает.

Я вполне сочувствую организации В. К. и готов приложить все свои слабые силы на пользу этого дела...

Бувайте живі та кріпкі і хай Вам Господь допоможе

Ваш душой и сердцем Алекс. Е. З-ло.

Развал коммунистических партий в Европе.

В этом журнале была уже речь о том, почему коммунизм в подобии московского большевизма невозможен в Европе.

На последнем VI международном Конгрессе Коминтерна — это было признано официально в Москве, особенно в речи Бухарина, констатировавшего развал многих коммунистических партий в Европе и в первую очередь — чехословацкой, о чем писалось более подробно в предыдущем номере этого журнала. Австрийская коммунистическая партия тоже переживает острый кризис, как об этом откровенно заявил ее представитель в Москве, подчеркнув, что Коминтерн слишком переоценил революционные силы и настроения этого государства. Польская и немецкая коммунистические партии явно в ущербе, по официальным их отчетам коминтерну. Но хуже всего в этом отношении дело обстоит в Азии, где в Китае и Индии — большевики теряют свои прежние завоевания и позиции.

В этом отношении весьма поучительны статистические данные о силе коммунистического движения. III интернационал насчитывает в общем 1.675.000 членов, из чего львиная доля приходится на русскую большевицкую партию (1.300.000). Стало быть на всю Европу целиком остается — 375.000 членов.

Цифра весьма небольшая, особенно по сравнению со II интернационалом, имеющим 6.637.622 действительных членов, а не большевицких, в большинстве случаев „мертвых душ“.

Не мудрено поэтому, что Бухарин впадает в черный пессимизм и в новой мировой войне видит единственное спасение человечества.

Смерть хорватского вождя С. Радича.

Лидер хорватской крестьянской партии — ставший жертвой трагической стрельбы в белградском парламенте скончался неделю тому назад в Загребе.

С ним сходит с политической арены не только великий хорватский деятель, но один из наиболее выдающихся Югославянских политиков вообще.

Покойный был приверженцем федералистического режима в Югославии,

Трагедия, приведшая Радича к смерти, разыгралась в связи с т. н. неттунским договором, на днях ратифицированным белградским парламентом, против которого резко выступали хорватские националисты.

Польско - Литовский конфликт.

Все попытки соглашения между Польшою и Литвою пока не были увенчаны положительным результатом. Последняя конференция в Каунас (Ковно) — раз'ехалась, не договорившись. Сейчас поднят вопрос о новой конференции: литовцы предлагают Кенигсберг, поляки Женева — как место для этого нового совещания. Советская и германская прессы в этом конфликте на стороне Литвы; антантская — за Польшу.

Повидимому, до ближайшего заседания Союза Народов, это соглашение не состоится и Лиге Наций придется самой искать решение для ликвидации этого хронического конфликта...

Казачья эмиграция.

Казак - Ильинцы.

В маленьком грязном домишке около Виши, помещался Кубанско-Финляндская станица, образованная полковником Елисеевым еще в Финляндии, после Кронштадтского восстания.

Много горя и несчастья выпало на долю казаков-„финляндцев“. Сначала служба в наших полках, потом пленение на Черноморском побережье, затем красноармейская лямка, восстание в Кронштадте, бегство в Финляндию, концентрационный лагерь, переезд во Францию и т. д. и т. д.

Полковник Елисеев, сам бежавший из Советской России, кликнул клич в Финляндии, собрал казачат, соединил их в одну группу, спаял, образовал станицу и с большими трудностями перевез всю станицу — человек до тридцати пяти — во Францию, где, отбыв рядовой контракт, поселился в Виши.

Казак списывались... Узнавали один от другого о житье-бытье, о существовании станицы и спешили сплотиться в прочный кулак, родственник к родственнику, сосед к соседу.

Казак с'езжались... Станица разрасталась... Выделяющейся группой по спайке, по нравственным и душевным качествам, по братскому отношению друг к другу были Ильинцы: Чеснок, Калина, Ситник, Белов, Селезнев, два брата Матвеевко и двое Солодухиных — Александр и Гавриил.

А когда приехали с Балкан: из Сербии — Дейнега, Спесивцев, Москалев, Друшляков, Чернов, Хорошилов и из Болгарии — Иноземцев и Катасонов, то и совсем руководящим звеном в Кубанско-Финляндской станице стали Ильинцы, знавшие друг друга у себя дома, на родной земле, на Вольной Кубани. Старший из всех Ильинцев — подхорунжий Дейнега. Это полуслепой инвалид, потерявший 75% зрения. Когда Кубанская Дивизия перебросилась в Сербию и устроилась на государственные работы, Дейнега был подрывником и в продолжении двух лет исполнял эту опасную работу. Но, однажды, получил преждевременный взрыв динамита во время подготовительных работ и бедняга потерял зрение. Один глаз удалили совершенно, а другой едва-едва спасли от окончательной гибели.

Сколько времени хлопотал он о выдаче субсидии из инвалидного фонда, учрежденного вместо страхования казаков, но увя! К кому только он не обращался, повсюду получал отказ и встречал презрение. Чтобы не быть дармоедом в дивизии и не служить обузой для других, Дейнега обратился к сербским властям за пособием, а сам, собрав партию казаков, с помощью Войскового Штаба приехал во Францию.

Брюссельский конгресс II интернационала.

В начале августа (5-12) в Брюсселе состоялся 3-й международный конгресс II рабоче-социалистического интернационала. На нем было представлено 36 партий и около такого же числа стран почти 500 делегатами.

Главными вопросами повестки этого конгресса были: современное экономическое и политическое положение, колониальная проблема и проблема разоружения.

Ко всем этим вопросам конгресс подошел с точки зрения политической демократии и творческого социализма, резко отвергая революционную магию и провокаторскую тактику московского большевизма.

Брюссельский конгресс показал, что международный социализм вышел из своего затяжного послевоенного кризиса и совсем освободился от злощастного гипноза большевистского ультра-революционизма. Только английская „независимая рабочая партия“ (I. L. P.) — все еще пребывает в плену московского большевистского красноречия и Зиновьева считаем чемпионом мирового пацифизма.

Жизнь в Кубанско-Финляндской станице протекала своим чередом. Атаманом был Елисеев, организовавший столовую для казаков, а все остальные таскались по заводам, сколачивали деньги, и, валяясь на грязных нарах, состояли „пансионерами“ у своего станичного атамана.

Подхорунжий Дейнега, как опытный сельский хозяин, советовал Елисееву арендовать ферму и всей станицей заняться хозяйством, чтобы не быть в зависимости от работодателей, с одной стороны, и постоянно жить всем вместе, сплоченной семьей, с другой. Но Елисеев, уклонялся от этого, интересовался джигитовкой, уезжал, приезжал, а потом, сняв для станицы новое помещение в самом городе, устроил ресторан и под маркой „станицы“ запахло дешевым духаном. Не понравилось казакам. Начались семейные неурядицы и дело дошло до того, что „станица“ ликвидировалась.

Ильинцы, объединенные Дейнегой, сейчас же выделились в особую группу, арендовали себе хутор и тихо, скромно, без излишней шумихи, обосновались на новую жизнь, а не-Ильинцы раз'ехались по разным местам.

Вот при каких обстоятельствах дети одного юрта слетелись в изгнании, сплотились, собрались под одно крылышко своего старшего станичника, подчинились его разумной воле и силе и, отсчитывая годы скитания, своей примерной жизнью, высокой нравственностью прославляют Кубань, утешают своего Атамана и служат примером для всего казачества.

В двух километрах от городской черты, среди цветущих, благоухающих садов, на возвышенном месте, стоит небольшой двух'этажный замок, занятый казаками - Ильинцами.

Возле дома тянется шоссе, касающаяся почти палисадника, а сзади за домом идут виноградники, огороды, фруктовый сад, красиво и живописно спускающаяся по склону горы.

Город Виши, утопающий в зелени, узкая выходящая, как змея, река Аллиер, остаются далеко внизу, открывая прекрасные пейзажи, красиво играя на солнце и задорно сверкая своими богатствами. Чистый горный воздух, приятный запах цветов, аромат душистого, только что скошенного сена, небольшие стада скотины, пасущиеся по холмам, невольно переносят вас в родной край, в родные степи и поля. Становится грустно... Неужели не суждено нам вернуться на Родину? Неужели весь век придется скитаться по чужим странам и в тяжелом труде коротать свои эмигрантские дни?

Но, через несколько времени, в беседе с хозяевами хутора вы успокаиваетесь, внимательно слушаете рассказ старшего группы, осматриваете хозяйство и ра-

дуетесь за казаков, что так дружно, энергично и умело взялись за дело.

Я посетил их в будний день. Казаки все разбежались к месту своей работы; кто на завод, кто на фабрику, кто на железную дорогу, а дома был только старший группы, подхорунжий Александр Иванович Дейнега, которого я знал раньше в полку. Радостная встреча... Радужный прием... Хотелось поговорить откровенно, открыть свою наболевшую душу перед старым боевым соратником. Уединившись в зеленом саду под развесистым кустом черешни, утоляя жажду сочными наливными ягодами, мы незаметно провели весь день, вспоминая полковую жизнь, тяжесть походов и боевой обстановки, безводный пустынный Лемнос и суровые Балканы, и сравнивали настоящую нашу жизнь с прошлым.

Всматриваясь в кривую наших переживаний и проклиная судьбу за ее „шалости“, все же благодарили Создателя, что помог нам жить хоть бедно, но „честно“, и по силе возможности сохранить заветы отцов и родные традиции.

Теплый, весенний вечер тихо подкрался, разнося пряный, медовый аромат по всему саду. Солнце светило на покой и красный диск его с косыми лучами быстро прятался за соседним холмом.

Александр Иванович предложил мне до прихода казаков осмотреть ихнее хозяйство и сделать надлежащую оценку.

Первым делом мы направились в помещение кроликов. Клеток пятьдесят — шестьдесят, наполненных разнообразными породами, привлекают ваше внимание. Здесь вы видите и Ангорские — пушистые, и Бельгийские — тяжеловесные, Голландские — голубые и серо-серебристые. Возле клеток лежит приготовленный корм — скошенная и провяленная трава. Сырую траву с влагой кроликам не дают, ввиду возможных заболеваний. В помещении чистота и порядок.

Затем идем в курятник, где за провололочной сеткой с молодыми цыплятами гуляют куры. Птицы в изрядном количестве, а зимой было достаточно яиц и даже несколько сот пустили в продажу. Рядом саж для свиней.

Влево от курятника тянется виноградник, занимая всю левую половину сада. Приблизительно до трех тысяч кустов. Предполагают, что в этом году будет хороший урожай и достаточно надавят вина. Все приспособления и бочки имеются.

Дальше видим огороды со свежими зелеными овощами, цветущий картофель и фруктовые деревья. Разразившаяся недавно гроза с крупным градом много причинила вреда, пообивала черешни, абрикосы, персики, и стоптала огородную зелень.

С огорода вернулись в маленький, чистенький палисадник, поднялись в казачьи комнаты на второй этаж и мансарду. Живут по два человека в каждой комнате. И здесь видно убранство и порядок. Постели аккуратно сложены, белье свежее, нет обычного хлама и разбросанных в беспорядке вещей и грязной обуви.

На чистых обоях стелются украшения: портреты Войсковых Атаманов, казачьих генералов, фотографические карточки казаков, то в черкесках с погонами и боевыми крестами, то в штатских костюмах с заливчатскими прическами.

Вот фотографический снимок генерала Бабиева, лихого вождя, славного рубаки и доблестного рыцаря. Сохранилась у кого то из казаков его карточка, пересняли, — все хранят память о своем легендарном, безруком генерале и с бережной любовью относятся к его изображению.

Спускаемся вниз в столовую, где на большом столе накрыты приборы к ужину и молодая краснощекая казачка, напевая какой то казачий мотив, возится у плиты, переставляет кастрюли, подкладывает уголь. Несется запах борща из свежей капусты с жирной бараниной; раздражает обоняние и вызывает сугубый аппетит.

После всего виденного, невольно спрашивает Александра Ивановича: „Как вы управляетесь?“

Оказывается, очень просто: прежде всего, взаимное понимание друг друга, потом миролюбивые отно-

шения, строгая дисциплина, остальное все делается само по себе, незаметно.

Вечером, когда все возвращаются с работы, Александр Иванович отдает соответствующие распоряжения по хозяйству. Кому почистить клетки кроликов, кому убрать навоз; то — необходимо косить травы, или покататься в огороде и, только, когда стемнеет совсем, садятся за стол — за братскую трапезу.

* * *

Один за другим, на велосипедах, или, как говорят казаки, на стальных конях, въезжают во двор рослые, крепкие, сильные, со здоровым загаром на лице, мужественные Ильинцы.

Окончилась работа в городе, — спешат домой, чтобы до темноты еще потрудиться для собственного хозяйства. Не видишь ни усталости, ни уныния; наоборот, все веселые, жизнерадостные, мурлычат или насвистывают казачьи песни, на лицах улыбка и радость. Обступают меня, закидывают вопросами, спрашивают о жите-быте, интересуются политикой, спрашивают о Войсковом Атамане и потихоньку подходят к самому главному: „А когда же домой?“

Спрашивают нерешительно, словно боятся разбередить больную рану, или встревожить неназревший нарыв. Да и сами вполне понимают, что я столько же знаю, сколько и они сами. Говорю, что нужно положиться на волю Бога и терпеливо ожидать; наступит же когда-нибудь час, разобьются красные от крови цепи и погибнет весь кремлевский застеноч.

Неприятный разговор — стараешься избегать.

Шутливым тоном спрашиваю только что подехавшего с работы рослого молодца Ивана Калину:

„Когда же жениться будешь?“

Все смеются. Калина краснеет, как молодая девица, стесняется и скромно отвечает, что не найдет никак невесты, а то пора бы уже обзавестись семьей.

Да и в самом деле! Самые счастливые годы, молодое — золотое времечко протекает в изгнании! К примеру, тот же Калина, Ситник, Чеснок, Солодухин, — девятнадцать лет покинули отцовский дом, девятнадцать лет видели в последний раз мутные воды родной Кубани и с девятнадцати лет начали пить горькую чашу мук и страданий.

Прошла тяжелая пора... Заботами и трудом Александра Ивановича устроились в дружную, милую семью, живут прилично, всего вдоволь, да еще на стороне зарабатывают в избытке, не грех подумать и о женитьбе. Почему не так! Ждать возврата на родину — в милую родную станицу? Но, когда это будет? — а годы уйдут и потерянное время — молодость уже не вернется.

— Вот, Сергей Матвеевич! горе мне с ребятами, кричат в один голос — жениться, да и только, — говорит мне Александр Иванович, бросая укоризненный кивок в сторону хлопцев.

Я поддержал молодежь и все со смехом обрушился на последнего, указывая, что он просто завидует, отсчитывая свой четвертый десяток.

Шутки, смех без конца... Даже подумать боишься, что это казаки-изгнанники живут на чужбине, без семьи, проводят время в тяжелом труде, в тяжелой нужде...

А труда, в действительности, много.

Не дает нам поболтать строгий Александр Иванович. Распределяет работы, кричит, поторапливает, заглядывает сам во все дырки и, довольный, что дело спорится, обещает накормить вкусным ужином. Ходим по двору, разговариваем на самые животрепещущие темы.

Александр Иванович жалуется, что мал хутор; необходимость заставляет расширить, приобрести еще земли, а стремление у молодых к женитьбе заставляет задумываться и о новом помещении. В прошлом году им предлагали на хороших условиях большие фермы, но, записавшись в группу полковника Гамалия на отъезд в Южную Америку, принуждены были не только о новых приобретениях не думать, но и старое чуть-чуть было не ликвидировали. Много энергии, сил и средств вложили в эту организацию. И в Женеву, ускорить дел

в Международном Бюро Труда, с'ездили на свои средства, экономя на хозяйстве, урезывая в довольствии, сокращая птицеводство, теряя время и деньги.

А ведь в молодом хозяйстве каждая тысяча франков знает свою цену.

Но, быстро одумавшись и отбросив планы и мечты о переселении за океан, с новой силой принялись за расширение фермы и думают где либо во Франции приобрести в собственность, или взять в долгосрочную аренду ферму и землю с живым и мертвым инвентарем.

— Тесно здесь жить, развернуться негде! — говорит вожак Ильинцев. — Нужно расширить, поженить хлопцев и в честном труде, в дружной семье коротать время изгнания и не быть в зависимости от заводов и фабрик. Мечтали об Аргентине, но нет — решили отставить. Погонимся за большим и малое потеряем, а океан назад не переплывем. А если поедem домой, — дал бы Бог, все можно ликвидировать в один миг, бояться этого не нужно.

Прав Александр Иванович.

Если суждено будет нам увидеть еще отцовские хаты, так ведь можно продать все хозяйство и переселиться в родную станицу, а если нет, так не жить же на свернутых чемоданах, и не прислушиваться в бестолковой тревоге к диким воплям политических болтунов.

Необходимо жить по человечески и стремиться к лучшей жизни — к семейной, не обращая внимания на ложные тревоги.

Сергей Макеев.

Донской Атаман в Болгарии.

Посетив Ч. С. Р. и С-Х-С., Донской Атаман ген. Богаевский в последних числах июня месяца прибыл в Софию, где был встречен представителями казачьих организаций — в день приезда на вокзале, а 1-го июля в русской церкви, с благодарственным молебствием и многолетием Атаману и казачьим Войскам; 8-го Дон. Атаман беседовал в Софии.

3-го июля Дон. Ат. посетил Видинскую казачью станицу, 9-го Пловдивскую, а 28-го — Горно-Ореховскую.

Везде казаки старались встретить Атамана по старому обычаю, торжественно, с хлебом-солью, в возможно большем числе, но, благодаря тому, что приезды Атамана совпадали с рабочими днями, во время жнива и строительной горячки, многим казакам не пришлось послушать Атамана и сказать ему свое простое убедительное слово.

Корреспонденции с мест склонны даже подчеркивать умышленность таких „будних“ посещений; предполагают, что Атамана „берегут“ от близкого общения с казаками и что он сам избегает подойти поближе к думам и мыслям казачества.

Посещения Атамана совершаются по одному и тому же плану: встреча, сообщение, вечеринка — банкет.

Доклад Атамана тоже однообразен:

- положение в России;
- положение в Казачьих Землях;
- положение русских в эмиграции;
- положение казаков в эмиграции,

— тезисы, аргументация, выводы и заключения одни и те же, их читатели уже знают по Ч. С. Р. и С-Х-С.

Наиболее заслуживающие внимания пункты:

- о политической жизни среди Казачества;
- о самостийности;
- о культурно-организационной работе среди Казачества.

Атаман везде „плачется“ на российскую общественность, не только не признающую его как Атамана, но и вообще пакостящую везде Казачеству. Сетует в то же время на политическое разномыслие Казачества, ген. Богаевский всюду упорно проводит свою формулу безоговорочного служения всероссийской монархии или республике. В докладах личность ген. Богаевского совершенно заслоняет особу Дон. Атамана, в особенности подчеркиваемыми симпатиями российскому монархизму.

Поэтому казаки недоумевают: а где же, собственно,

выявляется казачий Атаман, присягавший служить только родному Войску?

В результате, не обходится и без инцидентов. На докладе бывают не только казаки, а и русские и болгары; в присутствии Атамана, ободренные монархисты поют „Боже царя храни“, а при пении Донского гимна, в строфе: ... „и послушно отозвался“..., стараясь перекричать правильно поющих, вопят ... „на призыв монарха Он“. В ответ Атаману, казаки выступают повсюду с призывами держаться только своего „берега“.

И сам Атаман уже, как это было в г. Видине, после речи есаула Кудинова, не только не упрекал казаков в проповеди самостийничества и „В. К.“ идей, но еще и пораживал оратора.

Печально, конечно, что (как нам пишут люди, стоящие во главе казачьих организаций в Болгарии) „приезд, в общем, не дал ничего хорошего“, т. к. „А. П. Богаевский заслоняет Дон. Атамана“, проповедывая „послушность“ Москве, но и в этом печальном есть для идей „Вольн. Казачества“ хорошие стороны. Казаки, способные хоть чуточку самостоятельно думать, послушав призывы „под Москву“ и, главным образом, под царя, после наивных аргументов А. П. Богаевского против самостийного бытия Казачества, все больше приходят к убеждению, что Казачество только и спасется по вольноказачьи — делами рук своих.

В Болгарии.

В воскресенье 29-VII. 1928, в помещении „Русского Дома“, состоялся доклад, вернее сообщение, на тему: „Политика Об'единенного Совета Дона, Кубани и Террека и действительные интересы Казачества.“ Приступовали члены „национально-патриотического казачьего об'единения“, плюс несколько казаков и студентов Софийской Станицы, что в общем составляло 27 человек.

Докладчик, заучив наизусть все обвинения политики ОСДКТ, выступил не только с „критикой по существу“ ОСДКТ, но и с анафематствованием всех казаков и русских, не признающих верховного водительства Николая Николаевича; коснулся даже экономической и великодержавной мощи Императорской России, вспомнил братание В. А. Харламова с эс-эрами, подверг критике и деятельность министра иностранных дел Чехословацкой республики Д-ра Бенеша, — основным стержнем же был похороненный уже давно Зарубежный С'езд и его „плодотворная“ работа над „спасением России“.

По истечении 45 минут, доклад-сообщение было „всесторонне“ освещено и закончилось призывом склонить чубатые казачьи головы перед Его Высочеством, но с места были голоса: „перед законным монархом Российским Кириллом Владимировичем.“

После этого докладчик уже хотел покинуть аудиторию, но с места выступил ст. В. Г. Глазков.

В. Г. Глазков заявил, что он не может в нескольких минутах осветить целую плеяду вопросов, затронутых и искаженных докладчиком, который многие из этих вопросов, как видно из его сообщения, слабо знает.

Докладчик в самом начале своего сообщения призывал опять казаков освобождать „Великую Россию“, опять класть головы за кого-то и за что-то, но отнюдь не за свои станицы и хутора.

Казаки, с лозунгом „Спасения России“, уже неоднократно теряли освобожденные столь дорогой ценой свои очаги, поэтому вновь — выдвижение обанкротившегося лозунга и обанкротившейся идеи „Спасения России“ от русского народа и проповедывание борьбы под лозунгом „на Москву“, борьбы, в которой Казачество не один раз истекало кровью и которая привела ныне Казачество к самой страшной катастрофе в его истории и надломил души и веру казака — вредно.

Короче говоря, вся игра в „великое русское дело“ вредна и излишня Казачеству, она несет с собой вновь разорение и уничтожение казачества — спасение же казачества — в нем самом; задача Казачества не спасение кого-то, а спасение самого себя.

Далее, докладчик бросил аудитории мысль, что срок полномочий Атамана истек. Да. Но это дело самих казаков и никого больше! Атаманам, конечно, необходимо прислушиваться только к голосу Казачества и особенно казачьей молодежи, делать чисто казачью политику, не заглядывать на задворки крикливых российских партий и не гадать на кофейной гуще о спасении соседа, первым долгом нужно спасать самих себя, т. е. Казачество.

Но г. Егоров, не привыкший к ответам г.г. оппонентов, ничего существенного в ответ не сказал.

К.

Джигиты в Югославии.

Начало и зародыш джигитов за границей принадлежат инициативе генерала Павличенко (кубанца), который со своими джигитами с честью выступал в Белграде при короле и королеве, в присутствии представителей всех иностранных держав. Джигиты ген. Павличенко выступали в Югославии, в Италии и Австрии (в Вене), везде покорили сердца населения этих держав, и имя казак — стало там популярно. Везде и всюду генерала и казаков публика встречала и принимала радушно. При сем прилагаю документы из Югославии, Италии и Австрии и описание последних джигитовок. Я Вам опишу подробности джигитовок (в этом году) в Субботице, Новом Саду и Сомборе под заглавием —

Бой казачьей конницы с пехотой.

(Джигиты ген. Павличенко в С. Х. С.).

Так было поставлено в плакате на сербском языке. Конница — были казаки джигиты, а пехота, вооруженная пулеметами, были сербские солдаты пехотных полков. В субботу под 8-е июня в Новом Саду, 30-го июня в Сомборе, 15-го июля в Субботице, главные улицы были переполнены гуляющей публикой. Вдруг, неожиданно для публики, показалась казачья конница, загредел казачий хор трубачей, играя Кубанский Войсковой марш. Как молния, пролетели слова: „Казаки... казачий военный оркестр... Ох, как хорошо играют! Чудно...“

Публика стала шпалерами, магазины опустели, торговцы повывскакивали. Полиция сдерживает толпу и дает возможность двигаться казакам вперед. Многие кричат: „Живели козаки!“ (Да здравствуют казаки). Верьте: я и многие стоявшие казаки в стороне плакали от радости. Некоторые русские от зависти ворчали. Нам-же, казакам, было приятно, что ген. Павличенко с 20 джигитами представлял частицу казачьей конницы, а особенно было приятно, что население любит генерала и любит казаков... Что-же я вижу дальше?.. Казаки двинулись по главной улице и вся толпа пошла за ними, привлекая к себе еще больше народу. В толпе говорят: „Завтра бой казаков с нашей пехотой, все идемте“... Действительно — ипподром был переполнен. Одна часть ипподрома занималась публикой, а другая войсками гарнизона, которые всегда присутствовали. Ген. Павличенко представлял войскам смотреть бесплатно, и когда комендант предлагал взять с солдат деньги, то на это получил ответ генерала: „Никогда в жизни казак не посмеет взять копейку от сербского солдата“. Это было рыцарство со стороны джигитов.

Собравшаяся публика и войска ждут начала. Вдруг — команда: „Смирно!“ Появляется командующий 1-ой Армией, ген. Докич. Трубаچی играют Кубанский Войсковой марш. Командующий слушает, взяв под козырек. Трубачи кончают. Командующий здоровается с джигитами. Эта минута встречи — всех нас мысленно унесла к себе на Родину и вспомнилось наше хорошее время. А местные жители увидели, как казаки и на чужбине сумели сохранить организацию и дисциплину.

Началась программа. Первым был — офицерский и дамский „конкурсник“, при участии сербских г.г. офицеров. Но и тут отлично взяла барьеры, не уступив г. г. офицерам, жена ген. Павличенко; ей была присуждена 1-я награда, но она отказалась в пользу других. Этот жест дамы понравился публике. 2-е отделение — была джигитовка, которая длилась полтора ча-

са при бесконечных аплодисментах. 3-е отделение — бой конницы с пехотой.

Пехота с двумя пулеметами заняла укрепленную позицию и выждала момент наступления конницы. Конница, не зная что здесь противник, двигалась без всякой предосторожности. Вдруг раздается залп пехоты. Конница быстро поворачивает налево-кругом в закрытую местность и начинает бой против пехоты в пешем строю. Между казаками и пехотой ведется сильная ружейная пальба. После 10-ти минут перестрелки в пехоте появились раненые и цепи ее стали редеть. Еще момент и — конница бросится в атаку. Раздается команда: „По коням! В атаку!..“ Казаки с криком „ура“ бросились в атаку через огонь (зажженная пехотой солома, чтобы сделать огневой заслон). Пехота начала отступать, но с ее стороны затрещали пулеметы. Вот тут-то и была картинка боя. От пулеметного огня начали падать раненные казаки и лошади; конница рубит пехоту; пехота, ободренная пулеметным подкреплением, бросается в контр-атаку. Крики раненых... крики „ура“... взрывы бомб, блеск шашек и штыков — дали полную инсценировку боя и эта картина напомнила всем нам прошлые бои. Долго-долго не умолкала публика и солдаты, без конца аплодируя казакам.

Последними — были казачьи лихие танцы, которые удивили публику своей легкостью. Публика долго не расходилась, все выражали свое удовольствие казакам, и каждый считал своим долгом подойти пожать руку казаку и похлопать коня. А всем нам хотелось в эту минуту забыть дразги и самим стать джигитами...

Ст. Ур. Ев. Горбенко.

II.

В № 16 „Вольное Казачество“ уже появилась краткая заметка Г. Алферова о джигитовке Кубанских казаков в Сомборе. После Сомбора, с неизменным успехом, казаки провели свои интересные и ловкие упражнения в Субботице, в Новом Саду, в Земуне, в Панчеве и, наконец, казачьи кони донесли их до столицы Югославии — Белграда. Рекламируя джигитовку, казаки со своим оркестром раз'езжали на конях по городу и собирали одним своим видом геройским толпы любопытных. Оркестр ласкал казачье ухо, так как музыканты почти все из Куб. Дивизии, знакомыми мотивами полковых маршей. На всех углах, фонарях и заборах было расклеено о том, что в воскресенье 5 августа в 5 часов в Топчидере, за парком, на „игральной СОКОЛ“ состоится выступление казаков. На главной улице висел полотнянный плакат с изображением конного казака и многообещающими словами „Казаки в Топчидере“.

Все газеты, еще за два дня до джигитовки, печатая снимки с казаков, на все лады поясняли все, что знали о казаках и об их привольной некогда и свободной жизни. В пятницу 3 августа для всех хроникеров и журналистов, вечером на свежем воздухе, под звуки трубачей, генералом Павличенко был устроен ужин. Здесь можно было видеть представителей самых разнообразных газет и журналов как сербских, так и казачьих и русских: Политики, Речи, Правды, Военного Вестника, сотрудников Русской Мысли, Нашего Мира, сотрудника журнала Вольное Казачество и мн. др.

Прочувственные речи были сказаны казакам г. Николем (Политика), г. Томичем (Правда) и друг. Генерал Павличенко благодарил прессу и сказал, что он, пройдя на коне всю Югославию вдоль и поперек, везде находил радужный прием и ласку, и, пьет сейчас за здоровье Югославян и своих лихих джигитов, славящих по свету казачью удаль и ловкость. Танцы казаков, лезгинка и казачек под револьверные выстрелы произвели сильное впечатление на присутствующих. Из присутствовавших дам были только казачки: кубанская, мадам О. А. Соламахина и донская Е. Г. Кундюрюкова.

Поздно расходились представители прессы, но зато генерал Павличенко завоевал „перо“, это тоже довольно сильное оружие в умелых руках. Благодаря рекламе и далеко бегущей вперед славе, в воскресенье, несмотря на набежавшие тучки, народу собралось не-

вероятное количество. По заявлению г. Стаича (Правда) столько публики ипподром не видел. Отлично проведенная джигитовка оставила неизгладимое впечатление у зрителей.

Первым номером была скачка с препятствиями двух дам: генеральши Павличенко и м-м С. Затем по трудности исполнения пошли казачьи номера, причем умение казаков владеть шашкой и винтовкой приводило публику в восторг. Солдаты гарнизона, как и все воинские части, на джигитовки приглашаются бесплатно и в конце тоже принимают участие в примерном сражении. Затарахтели две митральезы и затрещали выстрелы. Тут была и перебежка пехоты и отступление, и атака казаков, и пленение раненного пехотинца. Последним номером была скачка на приз для шести дам, выбранных из публики. Пляски казачьи дополнили нескрываемое удовольствие.

В виду такого успеха, джигиты остались в Белграде на другое воскресенье.

Приветствуя джигитов за знакомство иностранцев с казаками, с помощью иностранных газет с укладом нашей жизни и обычаев родных Краев, хочется пожелать только одного: Не возите с собой, станичники,

московского флага, ведь у вас есть свои милые цвета малиновый, синий и зеленый. Вы настолько уже завоевали себе право на свою казачью жизнь и на признание независимой Кубани, что казачьему сердцу, напоминающий уничтожение Вольного Казачества, флаг совершенно не нужен. Жаль, что вода льется на чужие, давно остановившиеся мельничные колеса. Подальше, казаки, от великих мертвецов. Лучше быть маленьким, но — живым!

С. с-а.

В С. К. О. В. У. З-е.

Правление Союза казаков, окончивших высшие учебные заведения в Чехословацкой Республике, распределило обязанности на 1928—29 год следующим образом: председатель — инж. П. И. Колачев, зам. пред. — инж. В. Е. Кулик, тов. пред. — инж. Б. В. Фесенко, казначей — инж. И. Р. Кохановский и секретарь — инж. В. К. Попков.

Вр. адрес правления С. К. О. В. У. З-а: Rumunská č. 1, Praha II.

В Казачьих Землях.

По вольным станицам.

(Из недавнего прошлого).

I.

... Большевики, отступая, ухватились за левый лесистый берег Кубани и отсюда наобум громят правобережные станицы фугасными снарядами и шрапнелью, что однако не так-то уж беспокоит привыкших к обстрелу казачек.

Темижбекцы, с налета завладевшие плохеньким деревянным мостом, оттеснили большевиков к самому „Венцу“ и таким образом чувствовали себя полными хозяевами чудеснейшей „тавричанской“ земли — треугольника, образуемого Кубанью, круто повернувшей в этом месте к западу.

И чудной-же народ оказались эти господа „тавричане“!

Еще вчера пресмыкались перед большевиками, отрекаясь от всего до голой души, а освободившим их Темижбекцам строжайше запрещали пасть коней на их отавах, а за вязанку дров из их леса — писали жалобы атаману отдела... Ну, после „моста“ Темижбекцы не так-то уж безоговорочно признавали эту землю за их землю.

Помню — одного такого „посягателя“ на их помещичью собственность, 14 летнего мальчишку; привез однажды в Управление Отдела сам г. Н. и просил атамана отдела, чтобы этому „нахальному казаченку“ всыпали „сто горячих“ в назидание остальным.

— Слышишь ты, горюн, зачем ты воровал дрова в Н. лесу? — спрашивает мальчишку атаман.

— Чаво-ж это я буду с в о й лес воровать? — отрезал мальчишка.

— От када-ж это он твой, мать твою... закипел помещик.

— От „моста“!

Помещик сердито грыз толстую сигару и многозначительно поглядывал на атамана. А атаман, видимо довольный смелым ответом „горюна“, надвинув очки на лоб, щурясь спрашивает:

— А разве и ты был на мосту?

— А как-же?... Кто-бы и был, когда все казаки в добровольцах... Ну нас мальчишек и стариков сотни три набралось... До самого „Венца“ товарищей гнали... А теперь этот, пузатый — моя земля!.. Как-же — выкуси!

Говоря о „стариках и мальчишках“, мальчуган несколько не преувеличивал. Бой темижбекцев с большевиками за переправу — один из блестящих эпизодов борьбы казачьего народа с русскими большевиками.

Темижбекцы — лучшие джигиты в Кавказском отделе. Соперничать с ними могут лишь разве кавказцы. Иногородних мало и потому станицы на редкость дружны и компактны, как монолит.

Когда товарищ Одарюк объявил мобилизацию — темижбекцы отозвались до одного. И все, до одного, очутились в Мечётке.

Это они, в новеньких черкесках, в лихо заломленных на затылок „Кубанках“, с белыми башлыками за спиною, на прекрасных застоявшихся конях — представили пред товарищем комиссаром и, выслушав его замечательную речь против врагов трудового народа, повернувшись — на лево кругом с песней:

С Богом, Кубанцы!.. — пошли в лагеря. А оттуда — кучугурами, балками — в Мечётку.

Редко в какой станице можно видеть такой сплоченный, дружный сбор. Не поладил как то участковый начальник со сбором и „за неповиновение“ по телефонограмме предложил Атаману Отдела распустил сбор, а „главарей“ (станичного атамана и 2-х—3-х казаков) арестовать. Атаман сгоряча (а был он действительно „горячий“) отдал было такое распоряжение. Но темижбекцы встали, как один человек и — распоряжение пришлось отменить.

Станица богата даже и по Кубанскому масштабу. Богатство ее — не в разнообразии сбываемых на рынок продуктов, как например у Кавказцев, а исключительно в зерне и в качестве зерна. Ссыпки около станицы полным полны. Амбары во дворах — тоже. Темижбекцы трудолюбивы и кропотливы, как кроты. В рабочие дни в холщевых, домашнего производства, рубахах, но в праздничные дни любят щегольнуть стильной казачьей одеждой. Они, как и их соседи кавказцы — „гичи“.

Во хмелю легки на ссоры. Но семьи строго патриархальны. Старики в большом почете. Особенно старые вояки. В воскресные дни, подвыпивши, старики любят прийти по станице с песнями. Любимая песня:

— „Не Заря-ль ты, моя Зорюшка“.

Темижбекцы смуглы. Черноволосый тип вообще преобладает. Вероятно в образовании такого типа имело участие и черкесское население Кубани. Женщины, особенно девушки, славятся своей красотой и здоровьем.

Многие из них с винтовками в руках защищали свою станицу от красных.

Южная сторона станицы оборвалась на высоком, почти отвесном берегу Кубани, откуда открывается чудеснейший вид на Закубанье, вплоть до снеговых гор, северная — вплотную придвинулась к полотну железной дороги. А за полотном степь — ровная, серебристая ковылем, богатая, как скатерть самобранка. И лишь где-где прорезана балками. В северо-западной части

юрта, глубокая балка — начало степной реки Бейсуга. Северная граница юрта — сонные, меланхоличные Челбасы, со своими камышами, осокою и корявою шама-рою. А тут сейчас же за Челбасами, на пологом пригорке высится огромная степная шапка — Жиров Курган.

Здесь, после прощания, лобызаний и плача, разделились донские изгнанники „кнутобойцы“ на три группы, населявшие станицы: Прочноокопскую, Кавказскую и Усть-Лабинскую...

Прекрасные темжбекские кони перенесли нас по длинной узкой гребле и, несколько не замедляя бег, легко вынесли на пригорок, где нас уже ожидал атаман станицы Дмитриевской с полусотней подростков. Пересели на высокую рессорную тачанку и покатались широким пыльным шляхом, по которому должна была пройти узкоколейная железная дорога, что связала-бы степные северо-восточные станицы со станицей Кавказской.

Должна была пройти... Но, в прошлом — бурдючная политика, а ныне — коммунистическая кровавая белиберда, оставили богатейший житный край миллионы пудов зерна вывозить на волах по глубокой грязи, в которой колеса вязнут часто выше оси.

Степь так-же ровна, как и темжбекская, но балок больше. Нигде ни одной копны хлеба. Нигде не видно отдельных распаханых паев. Но вся земля чернеет жирным, глубоко вспаханным черноземом.

— Когда это ваши Димитровцы успели перетаскать весь хлеб на гумна и распахать всю степь? — спрашиваем мы.

Молодой, интеллигентный атаман, объясняет:

— Не работает у нас всяк на своем, но все за всех.

— Коммуна?

— Точно так. Коммуна. Но наша, казачья. Все ходя, сколько их имеется в станице, выгнал в поле, и — забирай сряду. Развози по гумнам. За неделю очистили всю степь. Потом пол станицы за мологики поставил, а пол станицы — пахать. Так скорей идет дело. Пришлось и иногородних мобилизовать. Сами казачки не управились-бы.

Уже за 3—4 версты показались огромные скирды солом. Между ними точно тараканы втиснулись десятки молотилок. Работают исключительно казачки. Даже и зубари — женщины. И только на чувалах мужчины.

Ни малейшего ветерка! Гудят вечно голодные барабаны, — шипят и пыхтят раскаленные паровики. Пронзительно свистят на влоках мальчишки, у которых точно у арапчат, белеют зубы и белки глаз. Мелкая, едкая пыль повисла в горячем воздухе. А из утроб барабанов льется и льется „едренная“, тяжеловатая пшеница.

Здесь спокойный мирный труд. И если-бы не почти полное отсутствие молодых казаков, ничто не напоминало-бы, что в 25—30 верстах отсюда льется кровь хозяев этой пшеницы, спасающих свое, кровью и потом добытое, достояние от налетевшей с севера жадной саранчи...

Энергия станицы поражает. Поражает работа исполненная станицей в то время, когда главные работники почти поголовно на фронте, когда на станице лежит еще тьма всяких повинностей, вызываемых военной обстановкой. Дисциплина образцовая, и не по принуждению, но дисциплина, как свободная воля всех и каждого, втиснувшаяся в общее русло умело направляемого течения станичной жизни. Вся станица точно один живой организм, в борьбе за самосохранение напрягший свои мускулы до крайних пределов возможного...

Вечером, ясно чувствуется, что фронт недалеко. Чувствуется это потому, что не слышно веселых димитровских песен с ёканьем, что на перекрестках не толпятся гурьбой девки и парни, что не слышно их здорового смеха, что там и сям видишь вышедшего подышать свежим вечерним воздухом оправляющегося от ран казака.

Вечером, когда угомонятся молотилки, когда шум и гул интенсивной дневной работы сменится тишиною летнего вечера — четко слышатся разрывы снарядов, а иногда, при низовом ветерке, и дробь пулеметов.

Димитровцы прислушиваются, загадывают чьи и выстрелы, определяют — близятся они или удаляются.

Многие, многие казачки целую ночь тревожно прислушиваются к кононаде, со страхом загадывая, что будет с ними, если все-же победят „товарищи“. Ночью по станице расползаются ядовитые слухи, что Темжбекская — „вся сгорела“, что Кавказская — „разрушена“, что большевики уже подошли к Челбасам и т. п.

Антагонизм между казачьим и иногородним элементом здесь не так заметен, как в других станицах. По крайней мере нет безрассудных арестов, ни переполненной тюрьмы, ни выселений, ни вообще понятных актов мести за недавнее страшное водворение коммунизма.

Но такое „мирное сожительство“ казаков с иногородними нужно приписать только тактичности и интеллигентности атамана и тому, что за время господства большевиков, местные иногородние не были так неумеренными, как в других станицах.

Владимир К.

Из письма с Дона.

Дорогому дружку... с получением Вашего дорогого письма с той милой страны, в которой я проживаю с любящими друзьями, уведомляю тебя, что я жив и здоров. Слава Богу, коль дышу в горькой несчастной своей жизни, в утомленных краях. Я проклял сам себя — зачем выезжал оттуда (из С. Х. С.). Замучили налоги, за все платишь. Каждый год получаешь окладные листы да извещения: 4 дес. земли — 95 руб. 55 коп., один десяток сенокоса — 7 руб. 68 коп., пара быков — 28 руб., одна корова 16 руб., две мелкого скота — 30 руб., пастухам со штуки скота 1 рубль 50 коп., с телка и свиньи по 50 коп., а потом нужна одежда, обувка; метр ситца 45 коп. кто имеет книжку, — а посторонним не дают ничего. Вот наша жизнь, не приведи Бог лихому лиходею. Люди все — равные; не считают, что старый или женщина, все равно. Жена не слушает мужа, как чуть — расходятся. Поэтому, дорогой... я пишу тебе и говорю — не ходи домой; будешь ревом реветь, это я знаю по себе и по здешней жизни. Я живу ни в избе, ни на дворе, не сыт, а голоден; работаю как конь, нигде не упускаю: и чеботарю, и плотничаю, и кадушки сбиваю. Прошлый год ни пшеницы, ни зерна не взял и жита, а налоги плати к сроку; не заплатишь — растет пеня, а дальше придут, оценят и продадут, а тебя в замок. Вот, дорогой мой товарищ, как!

Посылаю тебе от души чистосердечный привет.

Пишу тебе от всего сердца — не ходи в Россию, живи там. На нас глядят, не токмо что чужие люди плохо, и своя семья хуже чем на собак. Жене подчиняюсь уже третий год. Сына женил прошлую зиму, и ему подчиняюсь, и снохе, и сыновей теще — и нет терпения. Не могу выдуться. Работаю я по людям и — хоть в месяц раз приду домой: не зовут обедать; и день полежишь, да и уйдешь к хозяину на работу. Или на станицы купишь да и покушаешь.

Через месяц или два узнаешь, где я буду...

(Из 2-го Дон. округа).

Из письма с Кубани.

„Здравствуй премногоуважаемый... во-первых строках моего письма уведомляю я тебя, что я твой задуманный товарищ, шлю тебе свой привет и от души низкий дорогой поклон и желаю доброго здравия в жизни твоей; затем прими почтение от моей супруги...

Теперича я опишу тебе свою жизнь. У нас все движется к коммунизму: выполняем хлебозаготовку, забирают хлеб, т. е. пшеницу — добровольно под метелку, так что и самим нечего кушать. Закачаешься!.. Хлеб продают печеный в кооперации, становиться надо в затылок — тогда купишь и не столько, сколько хочешь, а сколько дадут. Задавили нас, как мух, разными налогами, жить дальше невозможно. Не знаем мы, что будет с нами дальше, очень плохо нам. Словом, если все описывать — надо целую газету...

Затем я прошу тебя передать привет от меня... Шлю я ему свое сердечное почтение и в жизни вашей скорого и счастливого успеха. Затем пока досвидания, дальше писать пока остановимся. Если это письмо получишь благополучно, тогда пиши мне. На ответ я тогда еще что-нибудь могу прописать. А сейчас пока остановлюсь; пиши ответ, я жду с нетерпением. Досвидания."

Копия письма, посланного 21/VI из Лабинского отдела.

Nabludatel.

В Казачьих Землях неспокойно.

Берлинская газета „Русь“ (11 авг. с. г.) сообщает: В северной части бывш. Донской области происходят серьезные беспорядки, в которых принимают участие как казаки степных станиц, так и крестьяне. Появились партизанские отряды. В частях красной армии укомплектованных казачьим населением, появилось усиленное дезертирство. Положение признается настолько серьезным, что по требованию ОГПУ политбюро предписало командировать в распоряжение командующего войсками северо-кавказского округа одну из надежнейших дивизий — 14-ю Московскую стрелковую дивизию, укомплектованную почти исключительно рабочими. Эшелоны дивизии уже находятся в пути.

Политбюро опасается, что факт внутренних волнений усилит опасность внешних осложнений.

В той же газета от 17 авг. появилось другое сообщение:

Корреспондент „Курьера Варшавского“ телеграфирует из Москвы, что между Владикавказом и Армавиром, на 31 версте от названного города, неизвестные лица взорвали железнодорожный мост. По словам того же корреспондента в течение последних трех недель на Северном Кавказе появились партизанские отряды, состоящие из казаков и крестьян и совершающие нападения на советские учреждения.

Сведения эти проверить, пока, не удалось.

Интересно и дальнейшее сообщение той же газеты (если, конечно, оно отвечает правде), характеризующее лучше всего теперешнее положение в „рай“:

В частях карсной армии и ГПУ на советской Украине сокращен красноармейский пайек. Красноармейцы получают вместо 1½ фунта хлеба в день — ¾ фунта, а красноармейцы отрядов ГПУ вместо 2 фунтов — 1 фунт.

Очередное „районирование“.

Российская коммунистическая партия, производя дальнейшее административное переустройство РСФСР, снова коснулась территорий Казачьих Земель. Весной текущего года ВЦИК решил образовать новые административные единицы в юго-восточной части б. Европейской России. В состав последних вошли частью или полностью территории Донского, Астраханского и Оренбургского Казачьих Войск; при чем в этом отношении особенно пострадало Войско Донское. Восточная часть Земли Войска Донского, входившая ранее в Сталинградскую губернию, теперь является сравнительно незначительной составной частью более крупного административного новообразования — Южно-Волжского края. Таким образом, Земля Войска Донского оказалась разделенной коммунистической партией на две части, из которых одна входит в состав Северо-Кавказского Края с преобладающим казачьим населением, и другая — в состав Южно-Волжского. Что же касается Земель Оренбургского и Астраханского казачьих Войск, то они полностью вошли во вновь образованные административные единицы, а именно — Астраханское Войско в Южно-Волжский край, а Оренбургское — в Средне-Волжскую Область. На Севере Земля Войска Донского граничит в настоящее время с Центрально-Черноземной областью — обширной новой административной единицей.

26 марта настоящего года ВЦИК-ом было решено образовать Южно-Волжский край из следующих губер-

ний: Саратовской, Сталинградской, Астраханской, Калмыцкой и республики Немцев Поволжья. Центром края назначен г. Саратов.

14 мая с. г. последовало постановление ВЦИК-а об образовании Средне-Волжской Области, в состав которой вошли Пензенская, Ульяновская, Самарская и Оренбургская губернии с центром в городе Самаре.

ВЦИК-ом вынесено решение о соединении Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний в Центрально-Черноземную Область, центром которой избран г. Воронеж.

Постановлением президиума ВЦИК-а РСФСР от 23 июля 1928 г. утверждено разделение Нижне-Волжского края на 8 округов:

1. Саратовский с центром в городе Саратове	
2. Балашевский	Балашеве
3. Вольский	Вольске
4. Камышинский	Камышине
5. Хоперский	стан. Урюпинской
6. Сталинградский	Сталинграде
7. Пугачевский	Пугачеве
8. Астраханский	Астрахани

Из этих округов исключены автономные национальные объединения — Республика Немцев Поволжья и Автономная Калмыцкая Область.

В состав новых округов вошли следующие станицы и волости Земли Войска Донского:

а) в округ Камышинский — из Усть-Медведицкого округа: Даниловская и Островская волости полностью и сельсоветы 5, 6, 7, районы Киреевский, Разуваевский, Мищенский и Гуровский Арчадино-Чернушинской волости, Ново-Ольховский и Прудковский Малоделской волости, Киевский, Булгуремский, Марьинский, Николаевский, Таловский, Каменский 1-й, Каменский 2-й, Секачевской вол. и хутора Кувшиново, Гитова Балка и Бузулуцкий Березовской вол.; из Хоперского округа: Мачушанская волость без сельсоветов — Алонцевского, Семеновского и Хомутовского и сельсоветы Архангельский, Федоровский и Александровский Купавской вол.

б) в округ Хоперский — из Сталинградской губернии, Хоперского округа: волости Алексеевская, Аржановская, Добринская, Дурновская, Ленинская, Ново-Анненская, Ново-Николаевская, Луковская, Михайловская, Преображенская, Солонская, Тишанская, Урюпинская, Усть-Бузулукская и Филоновская полностью, Купавская без сельсоветов Федоровского, Архангельского и Александровского и сельсоветы Алонцовский, Семеновский и Хомутовский Мочушанской волости; из Усть-Медведицкого округа — волости Сергиевская, Слачевская, Усть-Медведицкая, Глазуновская, Етеревская, Кумылженская, Михайловская, Раздорская и Усть-Хоперская полностью, Распопинская без хуторов: Распопинской станицы, Избушенского, Головского, В.-Черенского, Ефимовского, Б.-Осиновского, М.-Осиновского, Ново-Царицынского, Вязовского, Варламовского, Перелазовского, Моисеевского, Ефремовского, Липовского, Калачевского, Петровского, Б. Дончинского, М. Дончинского, Зотовского, Макаровского и Нижне-Головского, Березовская без хуторов: Кувшиново, Титова Балка и Бузулукского; Малоделская без хуторов: Прудковского, Ново-Ольховского, Куркинского, Лозовского, Тонкая Балочка, Добровино-Орлиновского и Назаровского и Секачевская без сельсоветов — Киевского, Булгуриновского, Марьинского, Николаевского, Таловского, Каменского 1-го и Каменского 2-го.

с) в Округ Сталинградский — из Сталинградской губ.: Второй Донской Округ полностью (т. е. в том виде, как он входил в Сталинградскую губернию); Усть-Медведицкого округа волости: Клетская, Перекопская, Кременная полностью и хутора: Распопинская станица, Избушенский, Головской, В. Черенский, Ефимовский, Б. Осиновский, М. Осиновский, Ново-Царицынский, Вязовский, Варламовский, Перелазовский, Моисеевский, Ефремовский, Липовский, Калачевский, Петровский, Б. Дончинский, Зотовский, Максареvский, Н.-Головский Распопинской волости, сельсоветы 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 8-го, 9-го и 10-го районов Арчадино-Чернушинской волости, хутора Куркинский, Лозовской, Тонкая Балочка и Добровино Малоделской волости, Игнатов, Орлиновской и Назаров Арчединской волости.

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“ — — Вільне Козацтво “

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 1/2 ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1 Tchécoslovaquie.

Всякого рода типографские работы
выполняются дешево и аккуратно
на всех славянских языках.